

18+

INDIA

...а в Индии
возможно всё!

ОЛЬГА DIA

Ольга Дия

Индия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31508961

ISBN 9785449068224

Аннотация

Реальная история молодой девушки, которая, мечтая навсегда распрощаться с работой в офисе, отправляется в индийский ашрам, чтобы стать учителем йоги, но в первый же день оказывается в заложниках. И это только начало ее приключений! Вся книга – это разговор по душам на грани между страхом и самоиронией, отчаянием и всепобеждающей верой в свои силы.

Содержание

Глава 1. Сон	5
Глава 2. Двенадцать часов в Дели	12
Глава 3. Дорога в Ришикеш	24
Глава 4. Удачное недоразумение	35
Глава 5. Ved Niketan и секрет «Битлз»	46
Глава 6. Сон наяву или жизнь в светлом Ашраме	52
Глава 7. День милости Шивы или Пушкар Баба	76
Глава 8. Второе октября	85
Глава 9. Ни за что не улыбайся!	95
Глава 10. Странная встреча со странниками	105
Глава 11. Не только девушки любят бриллианты	109
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Индия

Ольга Дия

© Ольга Дия, 2020

ISBN 978-5-4490-6822-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Сон

*Еще в семь лет я начала обращаться к Богу —
в двадцать семь Он обратился ко мне сам.*

В то утро я проснулась от странного звука... мягкий шелест легких монет, градом сыпавшихся на мраморный пол. Впервые очень отчетливо и громко – прямо в голове – звучит фраза: «С тобой будет говорить Бог». Открываю глаза – вижу стену московской квартиры, плакат с надписью «УЛЫБНИСЬ», рыжее кресло, паркетный пол – а Бога не вижу. Подумала: странно, наверное, это звук дверного замка – кто-то из соседей ушел на работу.

Закрываю глаза и только теперь вижу. Вижу сон, что живу в монастыре, и не только я, а много людей – целая группа: пожилые политики, актеры, мыслители. Все некогда успешные в гонке за человеческим вниманием, теперь мы вместе встаем в 5 утра и приходим в зал для медитаций. И с первого дня пребывания нам задаются 3 вопроса:

В чем смысл жизни?

Почему люди болеют?

И

Что есть Бог?

Мы садимся в круг и пытаемся дать ответы.

Так проходит день за днем. Десять дней мы что-то пишем в свои толстые тетради и обсуждаем одно и то же. Через какое-то время я понимаю, что здесь это время как раз и теряю. Мы не только садимся в круг каждое утро, но вообще **ВСЕ ИДЕТ ПО КРУГУ**, а значит: оставаться в монастыре не имеет смысла.

И я решаю уйти.

Беру свои легкие вещи и иду к выходу. Еще нет шести утра, солнце только обещает проснуться. Тишина и чувство облегчения – вечный спутник **ПРАВИЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ**, наполняет каждую клеточку и вселяет уверенность. Приближаюсь к середине сада, прохожу мимо Свамиджи¹, основавшего этот монастырь. Он неподвижно сидит в своем высоком кресле – как и в любое другое утро до рассвета – и медитирует. Даже если птица присядет ему на нос, ничего не изменится, поэтому я просто прохожу мимо, прощаясь с ним без слов. И даже кажется, что он улыбается мне в ответ, но это не так.

А я иду дальше: предстоит сделать кое-что очень важное.

В монастыре существует традиция: с самых первых дней

---

¹ Свами – в переводе с санскрита «тот, кто обуздал свои чувства», джи – уважительное окончание, которое в Индии добавляют к именам и обращениям.

всем ученикам даруется книга для записей. В ней перед уходом я должна оставить ответы на те самые три вопроса. Единственное, что меня сразу поразило, это размер книги – она была огромная! Но я никак не могла взять в толк – почему, ведь ответы так просты!

Смысл жизни – в самой жизни!

Болезней нет – они все в головах людей.

Что есть Бог – Бог это тот, кто всегда во мне.

Я выхожу из тихого сада во двор, и впереди вырастает гигантская пирамида из книг. Издалека она выглядит впечатляюще, словно древний балинезийский храм: каждая книга лежит перпендикулярно своей верхней и нижней соседке. Это такие же тетради, как и моя, но авторами оказываются почитаемые миллионами учителя: Свами Шивананда, Патанджали, Вишнудевананда, и на самом верху – увесистая книга моего гуру, веселого лысого парня, живущего в нашем монастыре. Удивленная, я оставляю свою тетрадь там же – кладу ее поперек книги своего учителя, чтобы не нарушать гармонию конструкции, и иду дальше.

Солнце уже начинает румянить небосвод, когда я подхожу к заднему двору и встречаю пожилую женщину, американку, бывшую актрису, с глубоким небесным взглядом и длинны-

ми светлыми волосами, собранными в роскошную и на удивление простую прическу. Она подметает пол большой пушистой метелкой, но увидев меня замирает и улыбается.

– Уходишь?

Я сознаюсь, что да.

Добрая женщина тепло обнимает меня и тихо произносит:

– Неужели ты думаешь, что болезни людей лишь только в их обремененных мыслями головах? Есть ведь то, что мы недооцениваем...

Она опытна и мудра, я долго смотрю в ее ясные голубые глаза, но все же – продолжаю путь.

– Жаль, жаль... – еще долго звенят в свежем утреннем воздухе ее легкие, как весенний ветерок, мелодичные слова.

Что-то стукнуло в голове, но решение принято, а значит надо идти дальше, и я уже вижу тяжелые деревянные ворота ашрама,² ведущие во внешний мир. С силой толкаю дверь и слышу:

– Берегись, берегись!

Картина, открывшаяся передо мной заставляет от души рассмеяться: мой гуру, голый по пояс, жонглирует двумя двухпудовыми гирями, как пушинками, и лучисто улыбается:

– Ты видела, я там пирамидку сложил для тебя в саду?

---

² Индийский монастырь, пребывание в котором далеко не всегда требует ухода от «мирской жизни». Ашрам – это то место, где каждому можно пройти духовную практику и вернуться к своим делам обновленным. Чаще всего там практикуют йогу и медитацию.

– Да, – улыбаюсь и я.

– Знаешь, я пытался уйти отсюда примерно 80, а если быть точным, 76 раз, но вот что странно... – он выдержал паузу, но вовсе не специально, а как будто вновь возвращаясь к какой-то давно сидевшей в нем задаче, – каждый раз я давал разные ответы на эти три вопроса...

– И все же уходишь?

– Да, – отвечаю без колебаний.

– Дорога открыта.

Он отходит в сторону, впуская на уже залитую солнцем улицу.

Я отпускаю ноги, и они сами бегут с горы, на которой остается принимать новых гостей старинный ашрам – счастливая и легкая, как перышко воробья. Так бегают дети и влюбленные в жизнь взрослые.

Было бы здорово тут проснуться, но сон продолжается.

Я нахожу себя в каком-то большом городе, очень напоминающем весенний Париж или летнюю Москву, в клубе (и вовсе не по медитации). Вокруг меня тоже актеры, политики, известные люди. Эти люди пьют виски в толстых стаканах и разноцветные коктейли, сидят в облаках сигаретного дыма, дребезгах ненастоящего смеха. Иду дальше – нахожу пустую светлую комнату и начинаю танцевать босиком под свою музыку. Хочется пить. Беру большую бутылку с зеленой этикеткой «Bisleri»³ и предвкушая долгожданный глоток чистой

---

³ Bisleri – как узнала позже, самая первая и успешная в Индии компания по вы-

воды, набранной из горного источника – замечаю охранника. Он прыжком подлетает ко мне и вырывает воду из рук.

– Что ты тут делаешь? Ты – сумасшедшая наркоманка?!

– Танцую.

– Без музыки, одна и босиком?!

Тут я понимаю, что действительно двигаюсь под музыку, звучащую у меня в голове, но ничего плохого в этом не нахожу.

– Что у тебя в бутылке? Наркотики?!

– Это вода... чистая вода, если хочешь – попробуй, – отвечаю на удивление совершенно спокойно, попрощавшись с идеей напиться.

– Сумасшедшая! – выпаливает секьюрити, и мы выходим из клуба под руку, как пара влюбленных.

Я снова оказываюсь на улице, но уже не той, освещенной лучами утреннего солнца. Идет дождь. К клубу подъезжает машина скорой помощи, увозя кого-то из знаменитостей с передозировкой.

Иду дальше. Через мгновение ко мне подлетает красивая высокая девушка, похожая на стройную кореянку, в синем бархатном платье и атласными черными волосами.

– Он выгнал тебя... подлец! Я все видела! Хочешь?

В ее руке косяк. Я молча смотрю на нее.

– На, это тебе поможет снять стресс, – от души уговаривает красавица и пытается поджечь джоинт дорогой зажи-

галкой, украшенной сверкающими камнями, сине-голубыми, точь-в-точь как ее платье.

Но льет дождь и зажигалка отказывается служить, несмотря на всю свою роскошь.

Девушка не отчаивается: она достает спички, с логотипом клуба «Черный ягуар» и пытается зажечь сигарету вновь и вновь...

Я просто иду дальше. Я понимаю, что девушка больна. И вновь в голове звучат три вопроса:

В чем смысл жизни?

Почему люди болеют?

И ЧТО есть БОГ?

***

Открываю глаза: на часах пять утра. 22 августа 2012 года. Я вскочила с постели и поспешила записать этот сон, решив, что забуду его... но это было уже невозможно.

А ровно через месяц я проснулась в Индии, в Ашраме, в штате Уттаракханд. И это был уже не сон.

Глава 2. Двенадцать часов в Дели

19 сентября 2012, 4.12 утра, пустой аэропорт имени Индиры Ганди. Очень хочется закрыть глаза и оказаться в Ришикеше, но впереди еще 6 часов пути. Я принялась искать таксистов, но стойка была пуста. По-видимому, мое лицо выражало настолько большой знак вопроса, что уже через тридцать секунд ко мне подлетел опрятный индийский парень с бейджем «Аэрофлот» и предложил свою помощь. Сонная и расслабленная, как во времена путешествий по уютному Таиланду, я искренне обрадовалась, когда молодой человек принялся звонить таксистам... но ни один не брал трубку. Он сделал расстроенное лицо и сказал, что будет звонить еще и еще. А я пошла выпить чай и съесть хоть что-нибудь после незаметного вегетарианского ужина на борту, состоявшего из проростков сои с огурцом и долек киви с грустной виноградкой.

Меня сразу поразили цены – всего 60 рупий за чай – доллар за огромный стакан вкусного напитка с пряностями, молоком и имбирем – в аэропорту! В Москве это невозможно даже вообразить... Только потом я поняла, что нормальные индусы пьют тот же самый чай в 10 раз дешевле.

Еще до вылета в Индию в пронизанном дождями московском сентябре начинало болеть горло, и я решила съесть алу паратха (лепешку с картошкой и приличным количеством

чили и прочих перцев), чтобы выжечь простуду. И это сработало. На следующий день все прошло... но как нескоро наступил этот следующий день.

Я еще пыталась победить классический индийский завтрак, как ко мне незаметно подошел тот самый представитель российской авиакомпании и сообщил, что результат... нулевой, но есть хорошие новости: у него через полчаса заканчивается смена, и он мог бы довезти меня до автовокзала, откуда без труда можно отправиться туда, куда мне и надо. Я читала про шаттл-басы, о которых говорил добрый индеец и решила, что поездку на такси в гордом одиночестве даже безопаснее заменить проездом с такими же как и я путешественниками на комфортабельном автобусе с кондиционером. Но что-то кричало во мне: не делай этого НИ ЗА ЧТО! И было право.

Через полчаса мы стояли на улице, и назад дороги уже не было, т.к. в аэропорту можно было находиться только с распечатанным авиабилетом с вылетом в ближайшие 6 часов. Слава Богу, тогда я этого не знала. Просто стояла и ждала, когда доброволец выедет на своем автомобиле со служебной парковки... И тут ко мне подъехало недоразумение. Это был байк! Обычный мопед для школьников. За плечами у меня рюкзак с меня ростом, а сотрудник аэропорта на голубом глазу говорит – ничего страшного, можно и так. Я поставила рюкзак между нами и села, предвкушая очередную авантюру.

Мы мчались по оживленным пыльным улицам столицы Индии – и это было здорово! В пять утра город ревел, гудел, двигался как один большой организм, не позволяя, несмотря на суету и визг машин и мопедов, случиться ни одной аварии! В столице моей родины уже раз пять произошло бы ДТП за те 30 минут пока мы стремительно ехали... не на автовокзал.

Я спокойно наблюдала за дорогой, активно рассказывая басни про моих мифических детей и мужа, который придет в столицу йогов через каких-то пару дней. Мой провожатый в свою очередь неохотно говорил о жене и ребенке, как вдруг – пейзаж заполнился трущобами, и мы свернули с главного шоссе.

– Это дорога к автовокзалу? – спросила я, пытаюсь сохранить спокойствие.

– Нет, – как ни в чем не бывало отозвался водитель, – это юг Дели, мы почти у моего дома.

Повисла пауза.

– Я забегу на минуту, переоденусь и мы поедem, – договорил он, уже обнимая жену.

Пришло облегчение. Беременная красавица на великолепном английском предложила войти в дом, а через минуту уже несла нам чай.

Мы немного пообщались, и она сказала, что было бы обидно уехать сейчас, не посмотрев город. И была права! Я действительно мечтала посмотреть Дели, но одной как-то

не хотелось. Я предложила ей поехать со мной, но по причине подготовки к семейному торжеству девушка отказалась.

– Мой муж с радостью составит Вам компанию, – добавила она, – у нас такие красивые храмы! А какой зоопарк... поезжайте!

Я внимательно посмотрела на нее, потом на ее мужа и их сына. Все они представляли собой семейную идиллию: молодой отец с увлечением играет с малышом, жена гладит мужа по голове, умиляясь и явно гордясь своими мужчинами...

Я согласилась.

Просто взяла с собой одну маленькую белую сумочку со всеми документами, карточками и наличными, попрощавшись с рюкзаком, на всякий случай, навсегда, переоделась и села на байк свесив ноги на одну сторону, как целомудренная индианка.

Мы ехали смотреть один из самых колоритных городов мира.

Дели: многомиллионный, неугомонный, яркий, быстрый, шумный, вкусный, грязный, гостеприимный, суровый, жаркий, веселый, жестокий и справедливый.

Все эти эпитеты пришли мне на ум уже на месте.

Первым местом, где мы побывали стал парк – обычный парк, каких много в городе, но выглядел он почти как рези-

денция короля! Декоративная изгородь, диковинные животные просто бродят себе и никого не боятся. Ко мне подлетел солидный черный попугай, подобных которому я не видела даже в фильмах National Geographic, что-то сказал на своем языке и удалился. Потрясли деревья, растущие прямо в пруду, корнями вверх. А очаровательная уютная англиканская часовня чуть было не стоила мне поцелуя... но она того, в принципе, стоила.

Затем мы отправились в зоопарк, где сложилось четкое представление, что в Дели в среду – выходной. Весь парк был заполнен парочками влюбленных. Я поняла, что для местных жителей, это своего рода романтическое место... Но, увы, позже.

А пока я была под впечатлением – невероятные, всех цветов и размеров обезьяны, попугаи, змеи, вонючки-шакалы, худенькие жирафы, и, наконец, бенгальские белые тигры, лениво прогуливающиеся почти по нашим ногам, без всякой лишней чепухи в виде ограды. Пересохшая канавка – все что разделяло нас с мускулистым полосатым самцом и его облизывающейся подругой. Рычали они, кстати говоря, не очень-то лениво.

Я узнала разницу между африканским и индийским слонами. У африканского – маленькие резные ушки, а индийский – с огромными опахалами на голове. Но оба спокойные

и ленивые. Это общее правило для всех, живущих в Индии.

Люди здесь не боятся смерти, веруя во множество воплощений, поэтому никогда не спешат, даже переходя дорогу с оживленным движением.

Тем временем, мы прошли зоопарк по кругу и уже были готовы ехать дальше, как мой «друг», кстати, звали его Лалит, попытался взять меня за руку.

Раз эдак десять.

И тут я поняла, что, как бы мне ни было обидно, ознакомительная экскурсия по городу на сегодня закончена.

Несмотря на жару, пришлось включить мозг, который сказал: «Оля, хватит валять дурака! Забирай рюкзак – и мчи на вокзал!»

Мозг очень полезное устройство. Главная его заслуга не в том, что он позволяет быстро думать (все же интуиция всегда на шаг впереди), а в том, что он позволяет живо *придумывать*. А придумал он следующее: «Скажи этому парню, что неплохо было бы поехать к нему домой и пообедать». Кстати, супруга Лалита действительно обещала удивить ме-

ня далом⁴.

Лалит, по понятным причинам, с радостью согласился поспешить домой, где действовали «его законы». Тем не менее, по пути мы неожиданно посетили резиденцию президента, деловую часть Дели – я даже умудрилась сделать пару удачных фото!

И вот мы дома... вернее, в трущобах.

Жена моего спутника уже в бесподобном бирюзовом сари – еще прекраснее, чем была. Я ей очень обрадовалась. Точнее, я тихо молилась Богу всю нашу дорогу, прося лишь об одном – чтобы она была дома. И она была дома!

Но недолго. Через 5 минут, завершив мейкап, она начала прощаться с мужем, и со мной...

Холодок пробежал по каждому позвонку, позволив забыть про жару.

– И ты оставишь своего мужа здесь с малознакомой молодой женщиной?! – не выдержала я.

– Я доверяю своему мужу, – покорно сказала красавица, печально опуская ресницы.

Далее все было очевидно: хватит злоупотреблять госте-

---

⁴ Дал – острая и очень сытная индийская похлёбка из чечевицы нескольких видов.

приимством, вернее, пора бежать пока не поздно!

Я твердо сказала, что уйду вместе с ней. Девушка обняла меня и мягко прошептала:

– Сейчас придет моя мама, она приготовит чапати к обеду и останется здесь. Я вернусь как можно скорее, поверь мне.

Ох уж это ее «as soon as possible»⁵! Оно совсем не прибавило уверенности, но я осталась... вопреки любому здравому смыслу.

Через считанные минуты (именно так, ведь я их буквально считала) пришла ее мать. Вновь наступило облегчение.

Мы разогрели дал на кухне с тараканами с мою ладонь (благо, руки у меня небольшие), взяли чапати – тоненькие лепешки, с любовью приготовленные доброй тещей, нарезали огурцы, сдобрили их серой индийской солью и принялись за угощение. Все было невероятно вкусным и, по сравнению с алу паратха в аэропорту, почти не острым.

Уже пришло насыщение, но обед заканчивать не хотелось, то ли по причине наслаждения вкусом, то ли потому что мама прекрасной хозяйки дома тихо и незаметно удалилась.

---

⁵ В переводе с английского: «как можно скорее!»

Мы остались одни.

Доев третью лепешку я поняла, что смысла тянуть время все равно нет и, поблагодарив за аутентичную трапезу, принялась рассматривать свадебный фотоальбом, пытаясь пробудить мужнюю совесть Лалита. Но та спала мертвым сном. Вскоре он тоже закончил есть, набрался сил и уже готовился к новой атаке.

На мой дельный вопрос:

– Ты же уважаешь свою жену... она скоро вернется, застанет нас – что она подумает?!

Лалит лишь прошептал на ушко, как большой секрет:

– Ничего страшного, я закрыл обе двери на все замки, она ничего не узнает.

Уже не холодок пробежал, а ледяные глыбы растаяли бы на моей спине от такого откровенного ответа...

Молнией прожгло осознание: я в заложниках в трущобах на окраине города. Никто не знает, где я, и ждать помощи мне неоткуда!

Горячая рука индуса коснулась моих коленей, он потянулся за губами, обнажая в улыбке неровные зубы...

И тут меня осенило!

Все мужчины любят массаж! Это приятно, и – самое главное – позволит мне растянуть время до прихода его жены.

К счастью, хозяин дома не отказался от такого заманчивого предложения, любезно пообещав после сделать массаж и мне.

И вот Лалит лежит на кровати в одних штанах, а я, стараясь не подавать виду, разминаю его спину и бесшумно молю Бога только об одном – чтобы хозяйка дома вернулась.

Но ничего не происходит.

Мое время тянется медленно, как старая жвачка, готовая оборваться в каждую секунду.

И тут я попросила Бога просто – *о решении*:

– Господи, пусть все это разрешится так, как должно!

Мы сидели в тишине и полумраке. Зной вынудил закрыть ставни, и свет дня проникал только через щели в прихожей. На кухне капал кран, отсчитывая как метроном каждое новое мгновение... Кап-кап-кап...

И вот – к звуку воды прибавилось... сопение... потом легкий храп, и наконец...

О, Аллилуйя! Мой тюремщик заснул!

Бог послал нужное решение! Единственно верное и неожиданное!

Стараясь от радости не потерять самообладание, аккуратно поглаживая Лалита по голове, еще долгие пару минут я ждала, пока он провалится в сон. Затем осторожно встала и пошла к выходу, в очередной раз мысленно попрощавшись со своим рюкзаком, в предвкушении встречи со сложным дверным замком.

Но, о чудо! Я же в делийских трущобах! Дверь была закрыта на накидной замок и маленькую щеколду. Я справилась с ними в два счета и даже решилась взять рюкзак, стараясь не разбудить спящего.

Шум улицы ворвался в тихое жилище, но мне было уже

все равно – я была на свободе!

И тут дорогу преградил полицейский.

Первое желание было рассказать ему обо всем, но глупее мысли быть не могло – ведь этот парень вполне мог быть лучшим другом или даже братом Лалита. Поэтому, я просто спросила, как добраться до автовокзала, а он любезно помог найти рикшу. Так Индия научила меня навсегда забыть про жалобы. Что случилось – то случилось. Я поблагодарила полицейского вслух и Бога (про себя) и впорхнула в кабинку легкого такси, весело украшенного пушистыми шафрановыми цветами.

Солнце уже намекало на приближение вечера, очень романтично освещая город, в котором я еще раз убедилась в силе молитвы из самой глубины своего сердца. По иронии судьбы, водитель рикши, желая произвести хорошее впечатление на гостью столицы, провез мимо всех тех достопримечательностей, которые еще недавно мне решил показать злополучный Лалит: резиденции президента, деловой части Дели, зоопарка. Я даже вновь увидела тот английский парк, в котором гуляла утром, слушая птиц и мечтая о Ришикеше.

В это время суток Дели показался особенным, полным очарования городом, и даже не верилось, что каких-то сорок минут назад я была в западне. Закрыв глаза, я поблагодарила этот город за его урок и улыбнулась заходящему солнцу.

Глава 3. Дорога в Ришикеш

И вот он – автовокзал Дели. Мечта вот-вот сбудется! Выхожу на улицу, расплачиваюсь с водителем и бегу в туалет! Только сейчас я поняла, что в свете последних событий, не была там часов семь. Местные, на вопрос о туалете – просто указали на стену. Но то, что я увидела, обойдя ее с другой стороны, заставило застыть на месте. Мужчины всех возрастов и комплекций стояли и справляли нужду прямо на улице. Стенка не просыхала в этот жаркий день ни на минуту, намекая на то, что *это* нормально для автовокзала в сердце столицы Индии.

Через несколько секунд отойдя от шокирующей картины, стало очевидно – мою проблему это не решит, и я пошла дальше. И, Аллилуйя! Надпись «VIP Toilet» заставила подпрыгнуть от радости даже с рюкзаком. Туалет высшего класса предполагал четыре стены и даже крышу. Старушка на входе без слов пропустила в помещение с дыркой в полу, вместо унитаза и ковшиком для смыва и личной гигиены, но вот выйти из вожаделенного уголка было уже не так просто. Неизвестно откуда возник парень и начал требовать 15 рупий. За минуту до меня в туалет зашла женщина, оставив 5. Надпись на стене гласила о таком же тарифе. В итоге, сунув десятку и не желая пререкаться в таком «ароматном» месте, я выбежала на воздух. И хотелось бы сказать – све-

жий, но это не про Дели. Пыль покрывает все и вся: одежду, лица людей, еду, дома, и естественно, дороги. Однако по-настоящему вкусить прелесть индийских дорог мне еще только предстояло.

Хорошенько расспросив, где останавливаются шаттл-басы до Ришикеша, я прошла еще с полкилометра и, наконец, нашла заветный номер – 142. И тут снова недоразумение! Предполагаемый автобус с кондиционером оказался дряхлым транспортным средством советского образца, с узкими сиденьями и редкими стеклами преимущественно в кабине водителя. На вопрос: это ли шаттл-бас до Ришикеша? Мне уверенно сказали – «ДА!» И я, похоронив идею поехать в комфорте, а также четко осознав, что это автовокзал обычных рейсовых автобусов, поспешила занять местечко у единственного застекленного окна.

И тут началось представление! В автобус вбегал один и тот же торговец: сначала предлагая орехи, потом снова он – с шарфами, он же – с печеньем, затем с фонариками и так далее.

Памятуя финансовую махинацию в VIP туалете, я решила сразу уточнить у него стоимость проезда. Оказалось всего 275 рупий. Мне очень захотелось отблагодарить торговца за ценнейшую информацию (на этот раз он активно предла-

гал платки и косынки), и я купила у него один маленький белый платочек. О, как впоследствии я была ему благодарна!

Тем временем автобус стремительно заполнялся индусами. Рядом со мной все время норвил сесть очередной темнокожий мужчина, но я расставила свои сумки так, чтобы ни один черт больше не подступился, и спокойно ждала отправления. Одной из последних зашла милая девушка в европейской одежде. Наконец, я убрала рюкзак, предложив индианке сесть. Она училась в колледже и рассказала немного о городе. Оказывается, Дели – не самый гигантский город Индии. По численности населения он лишь второй после Мумбаи, зато в Дели еще с семнадцатого века возвышается самая большая в стране мечеть по имени Джама-Масджид, намекая на то, что далеко не все это многомиллионное население – индуисты. А тот самый белоснежный Храм Лотоса, мелькающий практически на каждой открытке с изображением столицы Индии, и вовсе построен бахаистами, и всего на пару лет младше меня самой. Однако меня порадовал тот факт, что символ, мягко говоря, всемирно известного города построен теми, кто верит в единство Бога и религий. Еще я узнала, что в Дели бывают морозы и снегопады, а прошлой зимой (имелся в виду 2011 год) даже кто-то умер от обморожения. Конечно, сложно было в это так просто поверить в раскаленный сентябрьский денек, но моя собеседница выглядела уж очень серьезной, и я смогла лишь покачать го-

ловой из стороны в сторону, на что вежливая рассказчица даже приподняла бровь. Лишь позже я узнала, что индийцы таким жестом выражают не удивление, а наоборот – одобрение. Представляю себя на ее месте: речь идет о смертях и морозах, а в ответ белая иностранка качает головой: «Хорошо это, хорошо!»

Так, счастливые двадцать минут я наслаждалась отменным английским и милой улыбкой собеседницы, а потом – она вышла... Дорога от Дели до столицы йогов занимает 6—8 часов, и перспектива уступать место индийской семье меня не прельщала, но делать было нечего: толстая индианка, схватив мужа за руку уже оккупировала сиденье, любовно прильнув ко мне дородным потным телом. Они ели семечки, и все время норовили открыть единственную форточку, впустив пыль дорог в наш маленький дом на колесах. Не теряя вежливую улыбку, я осторожно сопротивлялась, приоткрывая окно лишь наполовину, и нервно сжимала в руке белый платок. И тут меня осенило! Точно! Надо прикрыть нос платком, свернув его поплотнее. Так я и сделала. Дышать стало не легче, но по крайней мере, возможно. О цвете платка в конце путешествия в Ришикеш не стоит и писать. Тот грустный серый кусочек хлопчато-бумажной ткани я еще долго хранила как память, и даже хотела сфотографировать для этой книги, но потом поняла, что таких памятных платочков из Индии я могла бы привезти миллион или даже два.

А пока наш автобус делал остановку у туалета с закуской, и я поспешила купить воды и чуть-чуть размять ноги. Впервые я отведала чай в таком месте. Пластиковые стаканы с мой мизинец, но чай с молоком вкусный и очень сладкий. Спасибо англичанам! К нему предлагали самосы (жареные пирожки с нутом, картошкой и специями), вегетарианские сэндвичи и орехи. Я взяла бутерброд с помидоркой и котлетой из нута и только сейчас поняла, как хочу есть, и как прекрасно ехать с такими остановками!

В Дели я провела ровно 12 часов, побывав там, где «нормальные туристы всегда идут в обход», но была счастлива, что все это случилось со мной, и благодарила Бога, за то, что ведет меня по пути. В такие минуты, когда так остро чувствуешь жизнь, понимаешь как справедливы слова итальянского священника Бернардо Антонини, так случайно повстречавшиеся в роскошном католическом соборе на Малой Грузинской в центре Москвы, но запавшие в душу: «Слово Твое светильник ноге моей и свет на пути моем». Без божьей помощи не ела бы я сейчас котлету из нута по пути в Ришикеш.

Тем временем ночь уже обещала показаться во всей красе. Наконец, становилось прохладно и очень темно – и если бы не огоньки индийских сигареток биди, я бы ни за что не нашла свой автобус.

Не имею ничего против темноты: раннее утро и вечер – лучшее время для медитации. Но есть одно уточнение – я в Индии.

Помню, как еще в детских мультфильмах, как замороженная, наблюдала за танцем кобры под печальную музыку дрессировщика. И вот кобры здесь есть, а дрессировщиком мне стать в кратчайшие сроки будет сложновато.

Чудесная вещь воображение! Как часто оно помогает украсить жизнь, но в данном случае, оно явно перегибало палку. Я уже видела узкие улочки Ришикеша, кишачие змеями и прочими пресмыкающимися. Утешало знание, что змеи редко атакуют, если их не побеспокоить, ну и если ты не тушканчик. Но темные тона ночи как нельзя некстати делали меня потенциальным обидчиком змей, а заодно и жертвой. Как можно догадаться, на что ты наступаешь в крошечной тьме – на коровью лепешку, упругий крысиный хвост или змеиный?

Господи, пошли мне проводника!

С такими мыслями, страхами и пожеланиями, я вновь оказалась на месте у окна, но оно теперь уже не закрывалось. Тучная соседка выломала стекло так, что оно заклинило и не спасало. Дышать было сложно, но я терпела еще долго. И тут неожиданно для себя самой я вскочила, одним прыжком перелетела через всю их семью и села на един-

ственное свободное место, рядом с приятного вида полнова-
тым юношей моих лет. Позже я вспомнила, что на станции
в Дели, он первый пытался занять место рядом со мной в ав-
тобусе, но я жестко отказала, сказав, что оно занято. Стало
немного стыдно. Он так деликатно отвечал на мои дрему-
чие вопросы о змеях, Ришикеше, Индии, что я не выдержала
и рассказала ему о своем приключении в Дели. Тем самым,
еще раз намекнув собеседнику на то, что не стоит вести себя
подобным Лалиту образом. Но мой спутник оказался далек
от таких мыслей, он стал тем самым проводником.

Раджип, так его звали, с сочувствием выслушал мою ис-
торию и осторожно предложил свою помощь:

– Мадам, наверное, действительно не стоит ехать в Ри-
шикеш прямо сейчас. Вы будете там не ранее одиннадцати
часов, а город засыпает в десять. Что я могу сделать: я еду
до Харидвара, я живу там и не имею опыта поиска гостини-
цы, но попробую помочь Вам найти номер. А с утра при све-
те дня Вам будет проще добраться до Ришикеша на рикше.
Это займет не более сорока минут.

Он так мягко это сказал, что мне стало легко и спокойно.

Мы вышли в Харидваре. Начинался большой индийский
праздник, Ганеша-чатуртхи или «Фестиваль Ганеши»⁶, и да-

---

⁶ Ganesh Chaturthi считается Днем рождения Бога мудрости, изобилия и удачи –

же в 22.30 народу на улицах было как в московском метро в постоянный час пик. Раджип без лишних слов взвалил на свои плечи мой одиннадцатипятикилограммовый рюкзак, с легкостью неся свой не меньшего размера в правой руке, как будто он был наполнен воздухом или, на худой конец, – пухом, и пошел в сторону центральной улицы. К нам приставали торговцы и водители рикш, но мой спутник вежливо их отфутболивал, и они расступались как мрак перед светом. Мы зашли в несколько гестхаусов, но они были грязными и внешне небезопасными. Учитывая местную специфику, я решила купить на завтрак бананов и полезла за кошельком, но Раджип посоветовал его пока не доставать. Оглядевшись вокруг, я согласилась, но про себя четко решила отдать деньги за огромную связку из двенадцати бананов моему мудрому советчику. А потом мы неожиданно нашли приличный отель, под названием «Palace». Конечно, до дворца ему было далеко, но простыни были почти белые, как и рубашки портье в холе отеля, в номере был вентилятор и даже неработающий кондиционер. А главное, добротная дверная щеколда внушала уверенность... и я осталась. От души поблагодарив

Ганеши. Празднования длятся до десяти дней с ежедневными ритуалами и молитвами, обращёнными к Господу Ганеш, с тем, чтобы устранить препятствия на пути и открыть двери для прихода в жизнь новых возможностей. По иронии судьбы, а также благодаря выгодному тарифу авиакомпании, прилет в аэропорт имени Индиры Ганди выпал именно на 19 сентября, которое в 2012 году оказалось праздничным. Вообще говоря, дата начала фестиваля варьируется от года к году. В 2018, например, выпадет уже на 12 сентября.

своего проводника, я сняла с его плеч рюкзак и решила дать хотя бы 100 рупий за неоценимую деньгами помощь. Но Раджип наотрез отказался, а вместо этого взял бумажку и начал выводить на ней что-то предельно аккуратно.

– Это мой номер телефона. Будут проблемы, звоните, – произнес он на прощание и исчез в коридорах «Дворца».

Вот такие бескорыстные, честные и добрые бывают индийцы!

Закрыв дверь, я еще минут пять стояла без малейшего движения, переваривая события сегодняшнего дня и собирая себя для похода в душ, кстати говоря, холодный.

***

На следующее утро, решив всё же нормально позавтракать, я зашла в приятельный ресторан, взяла меню, и тут меня разобрал хохот. TASTE OF HARDWAR – таким было название ресторана. Эта индийская привычка глотать гласные вылилась в очень забавную шутку, которую на всякий случай я решила расценить как знак и не есть в ресторане, именуемом «Вкус жестокой войны», решив, что шанс прочувствовать его, судя по первому дню путешествия, у меня еще будет.

Я вышла на улицу. Былолюдно, но светло и даже позитивно. Меня грело осознание, что вскоре я увижу Ришикеш. Я шла и улыбалась солнцу, проходим и новому дню жизни. И видимо, моя улыбка не осталась незамеченной. Навстречу прошла пара и тоже улыбнулась!

– Светлые лица! – воскликнула я по-английски.

– О! На углу соседней улицы мы видели еще одного белого, – с улыбкой сказала девушка, указывая в неизвестность.

Это действительно было здорово, наконец, наблюдать европейские лица, которых я не видела с самой Москвы.

– Меня зовут Сара, а это – Уду. Мы из Тель-Авива.

– Очень приятно, а я Ольга, еду в Ришикеш, – сразу выпалила я.

– О! Мы тоже туда думали поехать – сегодня или завтра.

– Поехали сегодня! – взмолилась я.

– Поехали! – воодушевленно кивнула Сара.

Счастью моему не было предела! Ребята предложили поехать в гестхаус Swiss Cottages, который им советовали близкие друзья и я, естественно, согласилась. В монастыре меня ждали только с 22 сентября, и пара дней в уединенном домике на живописном склоне горного хребта показали пре-

красной возможностью восстановить силы и в целом, осмотреться. Мы взяли рикшу, я по-братски поделила оставшиеся бананы с новыми друзьями, чему они были очень рады, потому что тоже только собирались позавтракать. И мы отправились в город моей мечты.

Глава 4. Удачное недоразумение

Отель Swiss Cottages оказался очень милым местечком с видом на священную реку Гангу и предгорья Гималаев. Свежий ветерок, чистые номера с горячей водой, которые обходились в 2 раза дешевле стоимости одной ночи в сомнительном отеле Харидвара. Приняв душ, мы дружно направились на обед, где я открыла для себя Israeli salad – простой и удивительно вкусный овощной салат с огурчиками, помидорами, морковью, болгарским перцем и бесприкрышной заправкой из лимонного сока с оливковым маслом. Как вы могли догадаться, все мои соседи были израильянами. Многие приехали в Ришикеш отдохнуть после армии, подышать свежим гималайским воздухом, а также позаниматься йогой или покурить чилом⁷. Как ни странно, многие успешно сочетали эти два, казалось бы, несовместимых занятия.

---

⁷ Чилом или чиллум – трубка для курения табака и чараса (гашиша). Изначально курение чилома было ритуалом, совершаемым странствующими аскетами-шиваитами вокруг священного костра с постоянно поддерживаемым пламенем. Интоксикация при этом расценивалась как участие в подвиге Господа Шивы, выпившего яд, которым демоны хотели отравить все человечество. Позже и сами аскеты забыли об этом сакральном смысле и стали расценивать чарас наоборот как подарок Шивы. Такое видение подхватили и наводнившие Ришикеш иностранцы. Так желание принять на себя яд превратилось в пристрастие к наркотику.

Уду взял себе самое популярное индийское блюдо – тхали, и тут я поняла, что салатиком мой обед никак не обойдется. Я заказала то же самое и, несмотря на размеры, заставила тарелку сверкать от чистоты! Четыре нежнейшие лепешки чапати, аппетитный дал, тушеные овощи, именуемые сабджи, ароматный рис басмати, небольшой овощной салатик и даже раита (свежие огурцы, помидоры, красный лук и перец в йогурте) – это было великолепно! И несмотря на то, что целых два месяца до поездки в Индию я пыталась по возможности есть только сырые овощи, сушеные орехи и свежие фрукты, то тхали многое поменяло. Это не вегетарианский сэндвич на заправке и не острая лепешка в аэропорту.

Но вернемся к теме: я в Ришикеше!

Если честно, я готова была выскочить из рикши и поцеловать землю, как только вдали появились очертания первых монастырей. Город превзошел все мои ожидания! Гималаи казались совсем рядом – на расстоянии вытянутой руки. Мутная, но искрящаяся на солнце Ганга, как большая сильная змея, стремительно спешила нам навстречу. Невероятной длины навесной мост Рам Джула нес на себе тысячи людей, сотни мопедов, десятки коров и обезьян одновременно. С пяти утра и до десяти вечера мост не пустовал ни минуты, что удивительно, ведь всего километр отделяет Рам Джула от его близнеца, моста Лакшман Джула, где тоже кипе-

ла жизнь, но намного менее активно⁸. Вообще та часть Ришикеша оказалась более спокойной, недаром именно там когда-то выросло аж до двух этажей медитативное кафе Little Buddha и, располагающее к чилу, а соответственно, расслаблению, Namaste cafe. Там всегда можно было увидеть самых несовместимых людей сидящих за одним столом: множество израильтян, немцев, американцев, русских, поляков, португальцев – все разных темпераментов и каждый со своей особой историей, обсуждающих в рамках одной беседы учение Ауробиндо⁹ и способы курения марихуаны.

Район Рам Джула казался светлее, радостнее, живее. Тут находились основные монастыри: Parmarth Niketan и Ved Niketan, школа йоги Patanjali, множество книжных и продуктовых лавок, аппетитные кафе. Можно было в любое время дня отведать фруктовый салат у веселого симпотяги Аппи, известного всем как Кришна, или у доброго чистюли Эйджея. Именно там я заметила удивительную осо-

---

⁸ Мосты Рам Джула и Лакшман Джула носят свои названия в честь двух братьев Рамы и Лакшмана, подвиги которых описаны в одном из древнейших индийских эпосов – «Рамаяне».

⁹ Шри Ауробиндо – всемирно-известный индийский философ, основатель Интегральной йоги, в сердце которой лежит принцип целостного совершенствования: нет нужды бежать от материальной природы в мир духовных откровений, чтобы достичь просветления. Необходимо просто осознанно исключить негативное влияние одного на другое. К примеру, не курить во время медитации (шаг в сторону души), но и не забыть прерваться на здоровый сон после долгого сидения (поддержка тела в исправном состоянии).

бенность: люди, которые имеют дело с фруктами, всегда позитивны. В дальнейших своих путешествиях я осознано обращала на это внимание. Если попадалось кафе, где не жарят-парят, а с любовью нарезают манго, бананы, папайю, благодаря каждый плод и землю, его дарующую, в таком заведении всегда не хватало мест, и люди ждали – не уходили!

Однако все эти прелести жизни в Ришикеше откроются мне несколько позже, а пока, мило поболтав с соседями и хорошенько подкрепившись, я отправилась к мосту Рам Джула, чтобы разведать, где же находится мой ашрам. Дорога петляла, обнажая все более и более впечатляющие картины. Начали виднеться монастыри. Я перешла мост, миновав стаю мохнатых обезьян, и оказывалась у лотков с чаем и печеньем. Около импровизированного кафе в один квадратный метр, толпились иностранцы, и я решила спросить, где находится Parmarth Niketan, а заодно отведать местной масалы.

Мне охотно взялась помочь девушка из Чехии с прелестным «женским» именем – Гоша:

– Я живу в этом монастыре и с радостью его Вам покажу.

Снова пришло ощущение, что Вселенная всегда посылает проводника, главное – не пройти мимо.

– Здорово! – отозвалась я.

Мы быстро допили чай (благо порции были стандартные, иначе говоря – мизерные) и отправились в путь. Уже стемнело. В Индии вообще темнеет рано – в шесть вечера уже не выйти без фонаря. Дорогой я активно расспрашивала Гошу об Ашраме, йоге, условиях. Девушка четко отвечала на мои вопросы, и с каждым шагом идти туда мне хотелось, честно говоря, все меньше и меньше. Моя спутница уточнила, что комнаты простые, нет горячей воды, зато с восхищением рассказывала про утопающий в зелени сад. И вот мы подошли к заветному месту, но, к моему удивлению – сердце чаще не забилося! Обычный сад, угрюмый охранник на входе лениво приподнял глаза и снова уткнулся в газету, совсем как во многих российских школах. Однако когда Гоша открыла дверь своей кельи, стало очевидно, что индийская школа йоги скорее напоминает тюрьму! Серые бетонные стены, маленький коричневый вентилятор, с двумя жалкими лопастями и торчащим из него перекрученным проводом, грязный матрас на полу (естественно, о постельном белье не могло быть и речи, оно бы просто не вписалась в эту обстановку). Из мебели – только импровизированный стул, которым служил восьмидесяти литровый рюкзак путешественницы. Гоша предложила присесть на него, а сама опустилась на «кровать» и начала разворачивать спальник. Я вежливо поблагодарила временную хозяйку дома и поспешила удалиться. На душе было совсем грустно. Курс йоги, длинную

в пять недель, с ночевками на голом матрасе представлялся мне очередным испытанием. Однако несмотря на удручающую картину, я все же умудрилась совершить единственно правильное действие.

Уже подойдя к выходу, я повернулась к сонному охраннику и задала вопрос, который спас мой вечер:

– Скажите, пожалуйста, какова точная дата начала Teachers training yoga course?

А заодно уточнила и расписание регулярных занятий по йоге: если уж я должна буду жить здесь, уж лучше начну включаться в неизбежную реальность постепенно, с практики асан.

Охранник нехотя оторвался от своего занятия, недоверчиво посмотрел на меня и произнес:

– Какой йога курс? Тут только утренние занятия по йоге в 8.30, а потом пранаямы.

– Как? Это же Parmarth Niketan Ashram? Тут должен быть йога-курс в конце этого месяца...

«О, Боже! Неужели его отменили, неужели я зря проделала этот путь из Москвы в Дели, чудом сбежала из индийских трущоб, пережила местный автобус и пришла сюда в темноте... Неужели ничего не будет?»

И тут мои мысли перебил тот же полусонный голос:

– Девушка, это ашрам Ved Niketan! Еще раз повторяю: ни-

какого йога курса здесь нет!

Я готова была подпрыгнуть до потолка! Я уже смирилась с этим неухоженным местом, приняла все лишения, необходимые на пути к знанию, и вдруг – такой подарок! Стоит принять реальность, такой как она есть, как все сразу преобразуется.

Гоша совсем недавно приехала в Ришикеш и, конечно, не обязана была знать, что в столице йогов – два «Никетана». Зато это знал темноволосый худощавый садху (или странствующий монах) в белых одеждах, который стал случайным (как мне тогда показалось) свидетелем моего разговора с охранником. Садху медленно приблизился ко мне и со сладкой улыбкой предложил свою помощь. Вид у него был чересчур экзотичный для неряшливого ашрама, что меня сразу насторожило, но выбора не было, и я с благодарностью приняла его предложение проводить меня в Пармат Никетан. Мы шли очень медленно: садху пытался как можно быстрее донести до меня ценнейшую информацию о том, что в пещере над Гангой живет его Гуру. Он медитирует уже много лет, и у учителя множество последователей в Индии и за ее пределами. Однако несмотря на глубокое погружение в медитацию, у гуру имеется сайт в интернете, который, как заметил садху, постоянно обновляется (не иначе как по волшебству). И теперь кульминация: его учитель очень хочет навестить своих поклонников в Америке, и у меня есть свя-

ценное право поддержать мудреца десятком-другим долларов, переведенных на счет Гуру! При этом парень в белом посмотрел на меня сквозь стекла недешевых очков так пронзительно, что я чуть было не прониклась. Слава Богу, в этот момент мы подошли к великолепному Ашраму, напротив которого, возвышалась величественная фигура самого Шивы. Теперь даже без указаний провожатого, который пытался уж было отвести меня к реке, я знала – это Пармат Никетан. Ноги сами понесли меня к светлой арке, ведущей в прекрасный сад. Ушлый садху проскочил вперед и сделал вид, что просит для нас разрешения войти. Это выглядело уж слишком комично: по аллеям спокойно гуляли обычные туристы, и озорно улыбались индийские дети.

Я без труда узнала про курс – он должен был начаться всего на день позже даты, заявленной в расписании. Мою фамилию нашли в списке участников и любезно предложили переехать чуть раньше, если мне так удобнее. Сразу стало легко, тихо и приветливо на душе. Белый садху зачем-то добыл для меня адрес электронной почты ашрама. Я с улыбкой полной удивления, поблагодарила спутника за ненужные старания и пошла дальше.

Лжесанньясин¹⁰ все еще семенил за мной, продолжая рассказывать про масштаб влияния своего гуру на умы людей, как вдруг, раздался громкий смех, и звучный голос с задор-

---

¹⁰ Санньясин – монах, отказавшийся от мирской жизни и погони за материальными благами.

ным украинским акцентом произнес:

– Ты где этого черта подцепила?

Двое ребят славянской внешности смотрели на меня в явном недоумении.

Тем временем, «черт» даже снял очки, чтобы церемонно поздороваться с каждым из них, а потом его как будто куда-то сдуло... ветреный был вечер.

Ребята оказались не обычными путешественниками. Слава – высокий худой парень из Москвы с добрыми озорными глазами, несмотря на туристическое одеяние уже 2 года жил в небольшом монастыре, в аскетичной келье – ну очень напоминающей камеру Алькатраса, даже несмотря на наличие в ней ноутбука и дорогого печенья, которым он щедро угощал гостей, решившихся навестить его «дома». Если визитеры надумывали прийти рано утром, они не находили Славу, но не потому, что его не было на месте – просто никому не под силу было нарушить глубину его медитаций. Позже, правда, я не раз заставала Славу почти перед обедом уже в другой медитации, сопровождаемой мерным сопением, но все же, стоит отдать должное – это было уже после священного сидения на рассвете. Ну, устал человек – всякое бывает. А еще у Славы было отличное чувство юмора.

Узнав его получше, мышцам живота не стало пощады: смеялись, мы до боли, но никто не жаловался.

Влад – тот самый весельчак с певучим украинским говором, удивил меня не меньше. В 19 лет Влад юнгой зашел на корабль в родной Украине – а вышел в Испании. На паром он уже не вернулся: остался в Гранаде. Командующий отплывавшим в суматохе судном не стал разбираться с тем, куда запропастился молодой моряк, посчитав, что он где-то на борту. Так Владик начал свою заморскую жизнь. С детства он прекрасно рисовал, особенно нигде этому не учась. Начал писать портреты – отдавал очень дешево: по 5—6 евро за картину. Ему хватало на обед или ужин – а о завтраке он уже и не думал. Так прошло несколько лет. Снимал комнату с такими же творческими иммигрантами, рисовал, занимался йогой. Потом встретил женщину старше себя – любовь или чувство благодарности... В итоге они прожили вместе почти десять лет. В Ришикеш Влад приехал уже гражданином Испании.

И тут он увидел картину, которая не позволила ему уехать, даже когда его испанские друзья вернулись на Родину. Если подойти к лестнице, ведущей под мост Рам Джула, и сесть на третью ступеньку, открывается бесподобный вид – можно действительно утонуть в явившейся взгляду перспективе – в той бесконечности изгибов моста, реки, гор! Влад взял лист бумаги и уже месяц не выпускал его из рук. Когда я спросила его, надолго ли он в Ришикеше, он честно сказал: «Пока

не домалюю». Так, сидящим за рисованием под мостом, его и застал Славик. Они стали приятелями, а позже повстречалась им я. Так мы и дружили: новоиспеченный монах, новоиспеченный испанец и новоиспеченный йог.

Мы общались, как дети в пионерском лагере – для нас не существовало ограничений пола, я никогда не чувствовала и намека на влечение со стороны ребят. Нам просто было невероятно весело! Мы купались в Ганге почти без одежды (несмотря на уверения, что нас закидают камнями), делились едой и впечатлениями, ходили в горы и на водопады.

А в тот знаменательный вечер, когда суетливый садху подвел меня к новым друзьям, мы не переставали петь, любоваться светлячками и наслаждаться ощущением тепла, ставшего за считанные часы для меня родным, Ришикеша.

Глава 5. Ved Niketan и секрет «Битлз»

Проснувшись под душевное щебетание птиц и открыв глаза, я улыбнулась самой счастливой улыбкой: я застала рассвет. Город йогов просыпается рано – в 6 утра жизнь на мосту Рам Джула уже кипела, как и вода в бурлящей Ганге, через которую я поспешила перебраться, все же улучив минутку понаблюдать за ней, усевшись среди пушистых макак. Затем поспешила купить коврик для моего первого занятия йогой в Ришикеше. Признаюсь, еще вчера я приняла решение все же сходить на занятие в спартанский Вед Никетан и испытать на себе настоящую индийскую йогу.

Зал был полон, а мраморный пол – холоден. Инструктор заботливо предложил взять нам дополнительные коврики и постелить под свои. Юный индус доходчиво объяснял особенности динамического комплекса Сурья Намаскар (приветствие солнцу), а в центре зала другой молодой йог отлично выполнял асаны, наглядно демонстрируя слова напарника. Говорящий следил за всем залом, периодически поправляя заостреные утренняя тела посетителей. Форма подачи была прекрасна, но сами асаны крайне просты. Во мне нарастало удивление: все же люди, приехавшие в столицу йоги, наверняка могут выполнять намного более сложные асаны,

чем поза верблюда, но позже я поняла смысл – он как раз в этой простоте!

Мудрые люди никогда не усложняют – тем более то, что требует глубокого понимания. Асана должна быть комфортной, и только тогда она учит не спешить из нее выйти, а если чуть глубже – учит не убегать от себя. Как часто нам хочется поскорее сбежать с работы, поскорее узнать, чем закончится книга, скорее поехать на край света, мы с нетерпением ждем наступления весны или лета, все бы поскорее – а в итоге, получается только скорее умереть и все начинается заново. Мы думаем, что мы особенные, но нас таких миллионы. И если мы далеки от осознания, что спешить некуда, именно асаны первые помогают почувствовать прелесть мгновения. Тело застывает, мысли перестают биться в конвульсиях ускорения, приходит внутренняя тишина, и вселенная замирает в мягкой улыбке, которая как раз воцарилась на лицах окружающих в те секунды, когда все это заключение спокойно поселилось в моей голове. Эти совместные улыбки помогли понять, что самое ценное здесь – чувство единения со всем миром. Оно приходит как давно забытое знание. Становится вовсе бессмысленным деление стран, дел, мыслей. Плохое и хорошее начинает казаться просто условностями, зависящими от договоренностей людей. В России на похоронах плачут, а в Индии – поют мантры.

Единство с миром дает ответы на многие вопросы, и толь-

ко тогда решения принимаются безошибочно, потому что **ОШИБКИ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ**. Во Вселенной все всегда правильно! Неправильно лишь наше невнимание к ее мудрым советам. Как вам такое отношение к жизни? По-моему, просто гениально. Кстати, гении как раз те люди, которые не вынашивают мысли годами, а просто слышат свой внутренний голос и действуют – спонтанно, но при этом верно, как хорошие хирурги. Этому меня и научила простая поза верблюда в аскетичном зале ашрама Ved Niketan. Но о практике нет смысла много писать – надо просто идти и пробовать.

После занятия йогой был курс пранаямы. Веселый плотно сбитый парень доходчиво рассказал о дыхательных техниках, завершив встречу «спонтанным смехом». Сначала мы просто хлопали в ладоши, при каждом ударе произнося звук «ха», потом, в тот самый момент, когда действительно захотелось рассмеяться, мы резко взметнули руки вверх, сопровождая движение глубоким вдохом, а на выдохе засмеялись, хватаясь за живот. Как птицы мы вскидывали «крылья» к небу и опускали их вниз, умирая от смеха и ощущения полета. И так много-много раз. Это было прекрасно! Я вышла из зала с чувством наполненности, радости и, как бы ни было странно признавать после минут безудержного хохота – покоя. Вот так, каких-то два часа превратились в несколько лет осознания. Осознания того, что бежать от себя не имеет смысла, да и не принесет ничего, кроме желания нырнуть

в исходную точку, чтобы понять, наконец, что источник счастья – ты сам, надо всего лишь вдохнуть поглубже и позволить себе засмеяться.

Я наблюдала за бабочками в саду, когда ко мне подошла незнакомая девушка из Израиля. А через 5 минут мы уже сидели в кафе «Намастэ» на берегу Ганги, любуясь ее течением и вегетарианским меню. Мне еще не верилось, что я завязала с сыроедением, поэтому пришлось удивить всю компанию (девушка была не одна) заказом овощного салата. Остальные взяли тхали и в свою очередь никак не могли поверить, что можно быть в Индии и не есть такую вкуснятину, но пару дней я еще продержалась. Ребята оказались очень интересными. Все они жили в ашраме Ved Niketan, но помимо этого их объединяло еще кое-что действительно важное: отсутствие планов даже на день вперед. Позже и мне стало ясно, что заглядывать в будущее здесь – просто невозможно. К примеру, могла ли я вообразить, что тот самый учитель пранаямы, который так необычно и профессионально провел урок, закончив встречу раскатистым смехом, через каких-то десять дней заставит еще громче рассмеяться, всерьез собираясь представить меня своим именитым родителям как невесту?

Мы с удовольствием опустошили тарелки и просто пошли куда глаза глядят.

И вот перед нами ашрам Махариши Махеш Йоги. Дикое и совершенно космическое место. Именно здесь знаменитые на весь мир «жуки» The Beatles избавились от своих зависимостей, но все же разочаровались в своем учителе. Многие думают, что это место проклято, и поэтому ашрам в запустении. На самом деле все намного проще. В 1984 году закончился срок аренды земли, на которой находился монастырь, и Махариши просто уехал, а ашрам опустел. Сейчас здесь никто не живет – кроме змей, обезьян и скорпионов. Слава Богу, никто из перечисленного списка, на удивление, нам не повстречался. Мы слышали шелест листьев, странное шипение, однако, ни одно животное так и не показалось. Но что еще больше поразило – это архитектура ашрама и уровень былого комфорта. Кельи в форме яиц напомнили о фантастических фильмах, а наличие современных унитазов в каждой комнате намекало на то, что Махариши был все же ближе к западу, чем к востоку.

Наша команда постепенно поднялась на крышу, и мы замерли – на нас смотрели зеленые горы, а мы просто растворялись в их бодрящем дыхании. В ту секунду мне стало ясно, как великолепная четверка избавилась от всех своих вредных привычек: здесь совершенно невозможно вдыхать другой воздух, кроме чистого и пить что-то иное, кроме свежей родниковой воды! И снова захотелось танцевать, петь, кружиться и смеяться, как в детстве, что мы и сделали. Дружно

исполнили знаменитую «Hey Jude», а потом обнялись и расстались навсегда.

Глава 6. Сон наяву или жизнь в светлом Ашраме

Наступило то самое, последнее воскресенье перед началом курса для учителей йоги в Пармат Никетане. Я решила, что пора включаться, и переехала в Ашрам. Мне достался милый простой номер с горячей водой на втором этаже корпуса «Ямуна». Было почти восемь утра, и приветливый мальчик на ресепшн предложил позавтракать сразу после заселения. Это было очень кстати! Закинув рюкзак в комнату, я поспешила в указанном направлении. И что же я увидела? Огромный зал и – как и в Дели – ни одного белого лица. Индусы принялись смотреть на меня, как на загадочного зверька из зоопарка – стало немного не по себе. Где же все европейцы? Неужели каждого ученика здесь встречают с таким недоумением на лице? Непостижимо! Но голод уже громко напоминал о себе, и я прошла к большим котлам. Там оказались не популярные в Индии рис и дал, а лепешки. Взяв одну из них и полив ее какой-то странной густой массой, оказавшейся, кстати говоря, необычайно вкусным кокосовым сиропом, я налила в свободную жестяную кружку чай с молоком и присела за столик в самом дальнем углу. Однако это меня не спасло от сотни глаз и потока постоянно сменяющихся собеседников за тем крохотным столиком, явно

рассчитанным на одного седока. Все расспрашивали, что я тут делаю, а я честно отвечала, что приехала учиться йоге.

Наконец, все это закончилось. Чай был выпит, лепешка съедена и, попрощавшись с последним интересующимся, я поспешила на воздух. И тут меня разобрал хохот! Я решила сдать ключи и уже стояла у ресепшн, когда увидела толпу иностранцев у входа в какое-то помещение. Несколько шагов – и все стало ясно: вот она столовая для гостей! Я 10 минут сидела, жевала лепешку, и никто не проронил и слова, о том, что я ошиблась дверью. Обожаю Индию!

После курьезного завтрака захотелось посмотреть Ашрам.

Там оказалось несколько корпусов для мальчиков-санньясинов, изучавших санскрит, корпус для иностранных студентов, дома для персонала и – в отдалении за автостоянкой – трехэтажный тихий корпус, предназначенный для занятий йогой, медитацией и пранаямой. Все вполне удобно, не считая того, что каждое утро, день и вечер дорога в зал для занятий будет проходить через парк, в котором хозяйничают дикие обезьяны. Но я решила об этом просто не думать и вышла к Ганге.

Ганга всегда великолепна, а особенно утром. Солнце отражается в каждом ее серебряном изгибе и вселяет уверен-

ность в своих силах. Я твердо решила, что все получится – я закончу курс и стану делиться знаниями, путешествуя по всему миру... но тут мои светлые грезы оборвал громкий чих. Это был Слава. И совесть напомнила о себе.

За всем этим переселением в Ашрам, я совсем позабыла о нашей встрече с ребятами. Мы хотели пойти на водопады, и Слава даже успел организовать трансфер, но Влад, по всей видимости, проспал, да и я совсем потеряла счет времени. Как славно, что Слава случайно оказался в нужное время в нужном месте.

На самом деле, не увидев никого у моста, где мы втроем договаривались встретиться, Слава покачал головой и пошел на завтрак в лучшее для этого место – Офис.

«Офис» – как не сразу можно догадаться из названия – известное на весь Ришикеш кафе, где можно одновременно наслаждаться фруктовым салатом и любоваться Гангой. Ну а я как раз стояла на набережной той самой реки, где друг меня без труда и обнаружил. Мы взяли по масала чаю и уселись на террасе. Отличный вид, милый мальчик Кришна, ловко колдующий над салатами и соками, и конечно же, «изюминка» заведения – фруктовые самосы (жареные пирожки), появившиеся здесь когда-то благодаря какому-то веселому австралийцу, сделали так, что в этот «Офис» ходили все охотнее, чем даже в самый головокружительный бизнес-центр.

У Славы было чудесное качество – он никогда ни на кого

не обижался. По крайней мере, о моем опоздании он забыл уже через минуту, а Влад, как и следовало ожидать, «случайно» зашел к нам, едва мы пригубили обжигающий чай. Влад был у моста Рам Джула в назначенное время, но Слава его каким-то мистическим образом не заметил. Только потом мы, наконец-то, поняли, что наш рассеянный художник был не на мосту, а под мостом – на той самой третьей ступеньке. Мы пригласили друга на подушки, служившие здесь креслами, и стали продумывать путь к водопаду. В итоге, победил Слава, убедив нас воспользоваться услугами местных такси, и мы впоследствии были признательны ему за настойчивость.

Путь на водопады оказался не так уж прост. Таксист довез нас до какой-то горы, и однозначно дал понять, что дальше – мы как-нибудь сами. Нам предстоял пеший подъем на неизвестную тогда высоту. Было очень жарко, мы лихо взбирались вверх, но все, кто встречался нам на пути, уверенно отвечали, что путь к водопаду перекрыт. А мы все равно шли и шли. И вдруг поняли, в чем дело – примерно на середине горы индусам взбрело в голову самое необычное – укладывать асфальт! Зачем это делалось на очень небольшом участке в предгорьях Гималаев ответить было сложно, но пройти было еще сложнее, однако, самым сложным было вернуться назад теперь, когда мы уже слышали чарующий шум мощной струи водопада. Надо сказать, что в наш паломнический

поход мы отправились босиком – все же священна эта земля. Да и вьетнамки не очень для трекинга подходили. И вот перед нами раскаленный асфальт, растерянные лица рабочих и больше ничего. Первый пошел Слава, потом Влад, следом за ними – я. Мы, как мистические йоги, шли по дымящейся дороге, не спеша, осознанно, и – о чудо! Дорога оказалась не горячей, а теплой. Рабочие, конечно, смотрели на нас, мягко говоря, с удивлением, но ничего не сказали. Так мы оказались у прекрасного водопада: теперь нас обжигали ледяные струи воды, смывая усталость пути и наполняя силой.

***

А на следующий день, после обеда, начались постоянные дежавю.

Первый день занятий – всем студентам предлагают сесть в круг. Второй – раздают толстые тетради с мантрами¹¹ и их переводом. Все бы ничего, если бы открыв свою тетрадь, я не увидела совершенно белые страницы.

Сразу вспомнился сон и те три вопроса, записанные в пустые толстые тетради.

---

¹¹ Мантра – сочетание слов или звуков на древнеиндийском литературном языке (санскрите), несущее в себе силу молитвы, но не за счет исключительно смысловой нагрузки, а за счет точного воспроизведения ее звучания; требует повторения от трех до десятков тысяч раз.

Дальше – больше! Каждый день вмещал в себя весьма насыщенное расписание.

В пять утра – подъем, стакан воды и обязательный прохладный душ. В шесть, с класса пранаямы, начинались занятия. И понеслась! С семи до восьми тридцати мы гнулись на хатха йоге. Потом собирались за долгожданным завтраком, состоящим преимущественно из аюрведических каш (самых неожиданных сочетаний бобов, круп и специй), чая с молоком (как выяснилось позже, многие студенты предпочитали упрямо верить в то, что это был хоть и слабенький, но все-таки кофе) и даже фруктов, что было большим исключением, сделанным для нашей прихотливой группы. Обычно на завтрак отводилось примерно полчаса. Оставалось еще минут пятнадцать-двадцать перевести дух, чтобы уже в девять тридцать углубиться в изучение курса по методике преподавания йоги, после которого, без лишних проволочек, ровно в десять тридцать начиналось пение мантр или чантинг. Чантинг плавно перетекал в лекцию по чтению и толкованию первоисточников («Бхагавад Гиты»¹² и «Йога-сутр»¹³ Патанджали) – мы просто меняли книжечки с ман-

---

¹² Бхагавад Гита (в переводе с санскрита «Песнь Бога») – уникальное ведическое произведение (поэма), представленное в виде философской беседы Господа Кришны с воином и правителем Арджуной, раскрывающее истинный смысл человеческой жизни.

¹³ Йога-сутры – базовый текст индийской школы йоги, подробно описывающий все ступени на пути к просветлению. Автором трактата считается мудрец Патан-

трами на внешне примерно такие же – с сутрами. С двенадцати до тринадцати был час карма-йоги (бескорыстное служение: мытье полов и прочая уборка), а затем в час дня нас ждал заслуженный сытный обед. И все бы было просто чудесно за этой поистине желанной трапезой, если бы не одно условие – вкушать пищу в полной тишине.

Ох, сложно передать, как непросто нам давались эти немые минуты столь редкого свободного времени. Так хотелось поделиться своими маленькими открытиями, сделанными во время практики, обменяться впечатлениями и вообще узнать друг друга получше, но мы просто наполняли тарелки, садились в падмасану¹⁴ и принимались за еду. Однако позже все мы смогли оценить неоспоримые плюсы этого молчания. Благодаря осознанности за обедом многие из нас забыли (конечно не сразу) про переедание и умудрились сохранить в порядке желудок, но самое главное – мы научились чувствовать вкусы еды. И именно вкусы, а не вкус.

Есть такое правило в аюрведе – для хорошего усвоения пищи и насыщения физического, духовного и эмоционального тела, еда должна сочетать в себе шесть вкусов: кислый, сладкий, горький, жгучий или острый, соленый и терпкий или вяжущий. Потребность эта вполне обоснована: все эти виды вкусов присутствуют в плазме крови. Так что если трапеза состоит преимущественно только из сладкого, соленого

джали, живший во 2 веке до н.э.

¹⁴ Поза лотоса в йоге, удобная для долгого сидения.

или любой другой парочки вкусов – поесть, конечно, можно – но это будет из серии компромиссов с собственным организмом. Но, как известно, желудок, как и мозг – не любители компромиссов. Они тот же час уличат вас в обмане и вскоре попросят чего-нибудь новенького. В те дни мне сразу стали понятны рецепты многих индийских блюд и даже напитков. Оказывается, пряный чай, сладости, состоящие из круп, специй, фруктов, овощей и орехов одновременно и даже стремление уличных торговцев посыпать свежий огурец всем на Свете, а именно: солью, перцем, сахаром, в довершение сдобрив лимоном – вовсе не причуды, а просто мудрое влияние аюрведы!

Но вернемся к нашему обеду. Казалось бы, стандартное сочетание: рис, дал, сабджи и чапати. Но рис, оказывается, на самом деле не пресный, а чуть сладковатый. Овощное сабджи – кисло-сладко-соленое, а если добавить бамию (овощ с телом фасоли и вкусом зеленого перца и кабачка одновременно) – с приятной горчинкой и вяжущее. Дал вообще идеален – он и соленый, и в меру острый, горький и терпкий. Его основной ингредиент – бобы – сами по себе сладковаты, а наличие помидора дает кислинку. Ну а постные чапати совсем скоро стали казаться и вовсе особым лакомством наподобие тонких французских блинчиков. Все это могло остаться за кадром, если бы не мудрое условие тишины и осознанности. И что уж точно было бы нереально, если бы мы, за увлекательным разговором, мели все с тарелок, так это

встать и всего час спустя легкой походкой отправиться в зал для йоги, где в 14.00 нас уже ждали на втором, более прикладном занятии для будущих преподавателей с проработкой мельчайших деталей асан. И снова в бой! В 15.30 мы просто убрали тетради (но не коврики) и приступали к полноценной полуторачасовой практике йоги. Разомлевшие после шавасаны (позы расслабления) мы спешили в душ, чтобы в 17.30 успеть застать еще одно чудо – Аарати.

В Ришикеше нет кино и театров, да они там и не нужны, но без чего уж точно не представить столицу йогов – это без Ганга Аарати. Набережная напротив Пармат Никетана издалека начинает казаться укрытой небывалых размеров цветным покрывалом: санньясины в оранжевом, студенты в белом, гости со всего мира во всех его цветах заполняют каждый квадратный сантиметр ступеней, ведущих к священной реке. На закате, когда зрительный зал полон, начинается оно – сказочное представление! Звучат мантры, пуджари (ведущий мероприятия) зажигает волшебную лампу, и совершает ею круговые движения вокруг алтаря. Затем освященное пламя предлагается присутствующим. И сотни людей, вместо того, чтобы толкать друг друга, по очереди протягивают руки к огню, чтобы «умыться» им: очистить уязвимое физическое тело от болезней, ум – от непостоянства и вечно бегущих мыслей, а сердце наполнить теплом Божественного света. И тогда становится совершенно ясно, что все это не представление, на «трибунах» сидят – не зрители,

и пуджари – не просто «ведущий». Это священный ритуал почитания Бога пламенем *живого* огня, и каждый участник здесь не случаен. Каждый вечер все эти люди приходят сюда, как на свидание с Богом, чтобы самозабвенно петь мантры, хлопать в ладоши и благодарить Его за все, что у них есть. В руках у многих маленькие корзиночки из банановых листьев с лепестками роз и крохотными свечками. Быстрая Ганга с любовью принимает каждый подарок, и вот солнце садится, а свет не гаснет: он продолжает жить с трепетом маленьких, но ярких свечей, зажженных от божественного огня и от чистого сердца.

Так мы встречали закат и провожали еще один светлый день.

Наполненные духовно, для пущей гармонии, мы шли наполняться физически: в 19.30 был ужин. Хоть целый час мы могли просидеть в столовой, продолжая тему наполнения или отправиться на прогулку, но не более, чем на час! Ведь в полдевятого всех гулен и гурманов собирала медитация. И, в общем-то, не удивительно, что в 21.30 открывая глаза после «внутреннего созерцания», мы спешили их снова закрыть, только уже на подушках и в горизонтальном положении.

И все было бы великолепно, если бы не одно «но»: все это расписание и даже набор асан повторялись изо дня в день.

Все шло по кругу. Мне стало интересно – что же я выберу на самом деле – наяву, а не во сне, где я уйду из ашрама и нахожу себя в ночном клубе в Москве с тремя вопросами (хорошо, не пулями) в голове и ощущением бессмысленности побегов – ведь ничего не меняется, просто круги становятся побольше.

Мы все постоянно возвращаемся в свою «Москву» – набор привычных действий, людей, которых мы тащим за собой целую жизнь и очень переживаем, когда хоть кто-то из них все же находит смелость выйти из круга и идти своей дорогой. Сразу думаем, что-то с ним не так: он уже не пьет виски, не ест мясо, не спешит подсесть начальника – да не иначе как сошел с ума! Однажды моя близкая подруга детства сказала с тяжелым вздохом сожаления, что с тех пор, как я стала заниматься йогой и встретила своего первого учителя, я уже не та... А я молча смотрела на нее и думала, что как раз именно тогда и началась моя жизнь.

Но что меня ожидает здесь, в светлом ашраме Parmarth Niketan?

А ожидало – много тепла и искренних людей! Весь наш разношерстный курс в возрасте от 20 до 45: из Бразилии, Латвии, Израиля, Канады, США, Франции, России, Мексики, Южной Африки, Германии и самой Индии – можно было без труда отличить по белоснежным одеждам и веселым

улыбкам. Мне повезло жить под одним потолком с самой заботливой на всем белом Свете американкой Меган и дружить с самой душевной израильтянкой Джулией, рожденной в перестроечной России. Меган, как родная сестра, тихонько будила меня в 5.15 утра и угощала чаем с имбирем и лимоном, который умудрялась бесшумно заварить, в то время как я силилась разлепить веки, лежа на жесткой монастырской кровати. Тем не менее, не проснуться было невозможно: ровно в пять в здании прямо под нашими окнами начинали петь монахи, прерывая любую фазу сна. А как только мозг начинал свои утренние интерпретации, лежать становилось просто бессмысленно: он живо и очень правдоподобно рисовал картины будущих занятий и трубил во все гудки о приближении нового чудного, неповторимого, наполненного открытиями дня!

Хорошенько взбодрившись под холодным душем, пока в жестяной кружке лениво остывал ароматный чай, я спешила к другой монастырской сестренке – Юле (той самой Джулии), для того, чтобы передать эстафетную палочку пробуждения, подняв ее с постели. Однако не всегда эффективно. Зачастую, Юля подбежав к двери с бодрым криком: «Уже бегу!», вселяющим надежду на ее серьезный настрой отправиться на пранаяму, вновь отходила ко сну, что и не удивительно, ведь накануне в десять вечера она гуляла с каким-то древним бабой (или святым человеком), ходила на Гангу,

пела любившиеся ей мантры – в общем, до полуночи была занята.

В монастыре мне повстречался еще один хороший человек. В один из первых дней Олег подошел ко мне у священной реки, но я была в таком безупречном состоянии счастья от созерцания всего этого праздника жизни, именуемого Аарати, что просто на него посмотрела и не смогла сказать ни слова в ответ. А через несколько дней сон опять напомнил о себе. Мы сидели в кругу после вечернего занятия по йоге и беседовали. Каждый из нас рассказывал о себе: увлечения, цели, профессия. Тогда и выяснилось, что на нашем курсе многие, как и в московском сне – это актеры, бизнесмены, писатели. В общем, в тот вечер пришлось мне сознаться, что я бывший директор кадрового агентства, а Олегу – что он бывший генеральный менеджер крупной компании. Тем не менее, из всей группы, мы с ним оказались единственными, кто все же ушел из бизнеса, поняв, что есть и другая жизнь – помимо офиса, и как-то ненавязчиво начали общаться. Олег сразу поразил меня своим честным взглядом, желанием брать ответственность тогда, когда многие все же неохотно на это шли и, конечно же, тем, как он – мыл полы!

Однажды я пришла на занятие пораньше, когда еще трудились карма-йоги, чья очередь была мыть полы в тот день, и увидела настойчивую капель со второго этажа. Это был Олег. Он просто вылил ведро воды – и разом все очистил.

лось, а потом хорошенько прошелся шваброй. Пол блестел, а мы смеялись и восторгались эффективностью этого простого флотского метода.

А еще у нас были незабываемые завтраки с видом на Гангу. Олег перехватывал меня перед самым входом в столовую, не дав наестся какой-нибудь дурацкой каши с фасолью, и, порой даже подтаскивая меня волоком, заставлял оказаться у панорамного окна в его улучшенном номере, для того, чтобы насладиться солнечными плодами манго, бархатистой папайей и крепким имбирным чаем. В те редкие минуты свободы от расписания, мы часто завтракали на его подоконнике и болтали о всякой возвышенной ерунде, обсуждали Бхагавад Гиту и сутры. Одно утро мне запомнилось особенно – мы ели нежнейшую красно-оранжевую папайю, но не она оказалась незабываемой, а просто брошенная Олегом фраза. Глядя в окно на спокойно разгуливающих индийских садху и бедных торговцев, он, оставаясь как всегда невозмутимым, тихо сказал:

– Знаешь Оль, смотрю я на них, вроде бы живут в говне, а так хорошо!

Почему-то сразу отбросило в Россию. При ее неустроенности почти на всей огромной территории, там – просто хорошо. Тоскливые березки и преимущественно грязные речки – а люди спешат на природу. Вспомнились мои родители, живущие в своем доме с огромным садом – в самом сердце Санкт-Петербурга, но упрямо посещающие русскую баню

и так и не установившие душ в коттедже, потому что и так хорошо. Ох уж это «хорошо»! Возможно, это и есть пребывание здесь и сейчас, сантоша или удовлетворенность, но живем-то – в говне! Индия обнажает и заставляет посмотреть на то, что в России спряталось за вынужденной цивилизацией больших городов – нежелание перемен и боязнь всего нового.

А в неустроенный нищий Ришикеш просто приятно возвращаться. Люди здесь рождаются и сразу начинают преодолевать бедность, голод и болезни, но в их глазах – не видно злобы. Они радуются простым вещам: солнцу, теплу, кусочку чапати и маленькому стаканчику масалы. Нам есть чему у них поучиться! Конечно, они все не прочь разбогатеть, но тем не менее, довольны малым. Многие живут на улицах – им нечего терять, и потому они никогда не будут похожи на изнеженных европейцев, которые просят налить индийский чай в одноразовый стакан. Они верят в перерождение и бесконечность, поэтому никогда не торопятся, иногда раздражая своей медлительностью – зато всегда присутствуют в том, что делают! Индия – как исправное зеркало в королевстве кривых зеркал лести многих развитых стран. Ее люди не плохие и не хорошие – они просто живые и честные. Здесь сразу пропадает желание выделиться, занять какой-либо пост, красиво разодеться – в Индии хочется быть собой: откровенно посмотреть на себя и осознать, кто ты есть на са-

мом деле. Ты не профессия, не уровень достатка, не жена или муж, не брат и не сестра и даже не человек. Ты – просто Бог, а Богу не нужно что-то кому-то доказывать.

Идее написания этой книги я тоже отчасти обязана Олегу. Однажды, сидя на коврике перед лекцией, я решила пове-
дать другу о своем сне. Он с интересом выслушал, не пере-
бивая, а потом просто сказал:

– Слушай, да тебе уже свой ашрам открывать надо!

Я естественно посмеялась над удачной шуткой и реши-
ла, что Ашрам – это уж слишком, а рассказать о том, чему
научила меня Индия, мысль вполне стоящая. И начала за-
писывать в ту самую пустую толстую тетрадку, полученную
в первые дни обучения, самые ценные моменты моего путе-
шествия.

Вместо молодого гуру из сна, моим учителем стала юная,
но очень серьезная немка по имени Дженни. Она не жалела
ни сил, ни времени для того, чтобы мы стали настоящими
учителями йоги, а не безразличными к судьбе будущих уче-
ников псевдомастерами.

Дженни сразу стала для меня примером человечности,
внимательности и безжалостности к себе.

У нас не было панибратских отношений, т. к. она всегда
старалась соблюдать грань и оставаться для группы учите-

лем – иначе мы перестали бы перенимать ее знания и просто хихикали бы дни напролет. Но мне нравились ее настрой и манера вести занятия. Каждое утренняя практика начиналась со звука «Аум», открывающей мантры, несложной разминки, шести кругов Сурья Намаскар, асан из комплекса великого мастера Шивананды, шавасаны и закрывающей мантры, ведущей к истинному знанию и свету. Дневное занятие было очень похоже на утреннее, но более интенсивное и без элементарной разминки. И, как я писала ранее, каждый день оба урока повторялись. Но – что меня поразило – ни один йога-класс не оказался скучным! Во сне я сбежала из Ашрама на десятый день, а здесь хотелось быть всегда. Самое удивительное, что при одинаковом наборе асан, каждое занятие казалось уникальным. Тогда я поняла простую вещь – асаны не меняются, но меняемся мы. Я сегодняшняя никогда не стану мной вчерашней. Именно поэтому даже оказавшись на любимом острове где-нибудь в Сиамском заливе, вдруг понимаешь, что он так же хорош и уютен, но уже не тот, что прежде. Тогда спрашиваешь себя: неужели так сильно изменился остров? Да не особенно. Меняемся мы сами. Наш мир внутри меняет мир снаружи.

И все же среди всех этих неповторимых картинок калейдоскопа разноцветных занятий, состоящих из одинаковых стеклышек, одно мне показалось особенно прекрасным.

Однажды Дженни принесла ситар и сообщила о том, что

всех нас, включая ее, ждет сюрприз. Это занятие она назвала «Кундалини». И оно очень отличалось от всех занятий по кундалини йоге¹⁵, которые были в моей жизни прежде. Мы также входили в привычные асаны, но оставались в них не одну-две минуты, а шесть или даже десять. Та же самая ришикешская серия Шивананды превратилась в глубокую медитацию. Вместе с тем, это был и самый музыкальный класс – во время каждой асаны Дженни повторяла мантру, направленную на соединение с той чакрой, которую мы особо задействовали в данном положении тела, и играла на ситаре. Однако несмотря на все эти звуки или благодаря им, именно тогда я впервые поняла, что это значит – наполниться тишиной.

Когда закончилось занятие, совсем не хотелось говорить или бежать, как частенько бывало ранее – хотелось молча плыть и созерцать. Очень хотелось не расплескать это чудесное состояние. Медитация мигом перенесла в совершенно иной – параллельный мир, наполненный присутствием. Как просто быть собой, никуда не спешить, не растрчивать слова на пустую болтовню... и как сложно. Как редко мы бываем такими! В эти минуты понимаешь, что нет смысла сотрясать воздух без особой надобности. Мы так мало знаем о мире – нужно просто смотреть, слушать, дышать. Это са-

---

¹⁵ Направление йоги, в основе которого лежит работа с жизненной энергией – кундалини, которая поднимается в ходе практики от основания позвоночника к высшей чакре (на макушке), где сливается с бесконечной божественной энергией, и йогин перестает существовать как отдельное существо.

мое большее, что можно сделать сейчас – просто быть...

Помимо йоги, у нас были занятия по философии, пранаямам и пение мантр – и все это время было заполнено любовью и глубиной другой удивительной женщины. Мы звали ее Матаджи¹⁶, и она, действительно, была как мать всем жителям Ашрама. Очень многое поражало меня в Садви Абха Сарасвати (таково ее духовное имя). Ее стопы – всегда чистые и розовые, как у младенца, несмотря на то, что она ходила исключительно босиком. Ее самоотрешенность: еще в юные годы она поняла свое предназначение, но у нее уже был муж и маленький ребенок, поэтому Матаджи ушла в монастырь, только воспитав детей. Даже теперь, будучи матерью для тысяч душ, она не перестает помогать растить внуков, а они у нее чудесные! Ее мягкая улыбка была тем «волшебным пинком», который заставлял нас встать в 5 утра и прийти, на самом деле, не на урок пранаямы, а просто – к ней. Однако самое странное переживание, вызванное ее образом, произошло у меня в день посвящения на курс. Была ягья¹⁷: мы просили милости у солнечного пробуждающего к новым зна-

---

¹⁶ Матаджи – в буквальном переводе с хинди означает «уважаемая мать», в религиозном смысле – «матушка».

¹⁷ Ягья или яджна, хаван, агнихотра – это ведический ритуал, во время которого богам предлагаются жертвы посредством огня. Исполняется для обретения божественной защиты, поддержки силами Природы и устранения препятствий в жизни.

ниям Савитара¹⁸ для успеха в занятиях, а потом всем студентам Матаджи завязывала веревочку на руке. Когда очередь дошла до меня, я посмотрела в ее глаза – и чуть не отшатнулась! Там была бездна. Таких глубоких глаз я не видела больше нигде и никогда.

Пример Матаджи научил меня принимать неизбежное, а взгляд ее бездонных глаз еще раз убедил, что я на верном пути. А еще она учила нас правильно понимать Бхагавад Гиту: не осуждать господу Кришну за безжалостные наставления воину Арджуне перед неминуемой битвой на Курукшетре. Матаджи рассказывала о них, как о реальных персонажах, но было очевидно, что это символы. Правитель Арджуна представляет собой человечность, а вместе с тем, неизбежную одержимость эмоциями и жалости к людям – ему не хочется проливать кровь, тем более своих братьев. Его возница Кришна – голос души, который говорит, что войны не избежать – самое важное, следовать своему предназначению, какие бы непростые решения не пришлось принять. Как бы тяжело не было терять самое дорогое – пусть даже свое благородное лицо – если душа говорит оставить это и пойти своим путем, надо встать и идти, не оглядываясь назад.

Как ни по-детски звучит, но мне это чувство неизбежно-

---

¹⁸ Савитар – бог постижения и просветления. Для выражения почтения боже-
ству поется Gayatri mantra.

сти знакомо по простой чашке кофе. Ты еще не уверен будешь ли его пить, но проходя мимо кафе берешь капучино зачем-то. Ты еще не коснулся губами стаканчика, но кофе «уже выпит». Он был выпит в тот момент, когда тебе протянули сдачу, а вернее, еще раньше, когда ты только остановился у кафе. *Выбор сделан – значит, событие состоялось.* Ты держишь чашку в руке, и кажется, что пить его вовсе не обязательно – ты можешь случайно пролить или просто отдать стаканчик бродяге, но где-то внутри, ты точно знаешь, что он будет выпит и выпит именно тобой. И самое потрясающее во всем этом то, что даже твоя спонтанная остановка у кафе, давно решенный вопрос.

Арджуна – воин.

Воин – должен сражаться.

А значит – его ждет битва.

И иначе быть – не может.

***

Однажды Дженни нездоровилось и занятие по йоге взялась провести Шанти Ма. И тут меня снова отослало ко сну ощущение параллелей с происходящим наяву в Индии. В зал вошла та самая пожилая женщина с небесно-голубыми глазами! Шанти Ма когда-то была заметным американским адвокатом, для которой йога стала намного большим, чем упражнениями. Жизнь сложилась так, что она приеха-

ла в Пармат Никетан, да тут и осталась. Именно она вела регулярные занятия для всех желающих в 6 утра круглый год без единого выходного, вдобавок помогая в офисе, и именно на ее мягком занятии, я впервые по-настоящему ощутила, какой может быть «поток» в Сурья Намаскар. Она просто сказала: «Представьте, что вы одни и дышите так, как хочется» – и этого было достаточно. Мне не терпелось рассказать ей о московском сне и ее роли в нем, но случай представился, как это ни курьезно, только когда мы подметали пол во время карма-йоги. Все ребята ушли, а Шанти Ма попросила принести метелку, забытую кем-то в углу, и собиралась закрыть дверь зала. Мы остались одни. Она внимательно выслушала мой рассказ, а потом тихо произнесла:

– Знаешь, болезнь может прийти и не по нашей воле, но то, как скоро мы из нее выйдем – в наших руках.

Затем мы закрыли дверь, вышли на улицу и увидели Дженни: она несмотря на большое горло пришла помочь. Мы с Шанти Ма улыбнулись друг другу – как же она была права!

А потом взяли Дженни под руки и повели пить горячую масалу в ее любимое кафе – «Офис».

Вообще «Офис» всегда был местом встреч. Однажды я пришла туда за фруктовым салатом и увидела знакомого – Сашу. Он смотрел на меня и убеждал, что по Ришикешу

бродит такой же энержайзер, как и я, и нас обязательно надо познакомить. И – как это почти всегда и бывает в Индии – Вселенная моментально реагирует на сказанное вслух, и в кафе залетает тот самый парень, и тоже – Саша. Сказать, что он юла – не сказать ничего! Он одновременно объясняет что-то в телефон, жмет руки практически всем собравшимся, небрежно дает миллион поручений, связанных с его завтраком, хозяину заведения Аппи, и, наконец, усаживается напротив меня:

– Александр!

– Оля. А почему именно Александр? (В Ришикеше редко кто-либо представляется полным именем, даже если ему перевалило за пятьдесят).

– Потому что *Александр Великий*, девочка моя!

– Вообще-то, я не твоя девочка!

Но это Санек уже не слышит, а рассказывает нашему общему знакомому о том, как он только что побывал... в Раю.

Саша вернулся из монастыря, выросшего на высоком светлом холме в предгорьях Гималаев. Там обитают сотни ароматных цветов, и повсюду кружат белоснежно-лимонные бабочки. Жители Ашрама пьют родниковую воду прямо из-под крана, а внизу струится чистейшая река. Все это напоминает сказочную идиллию, кроме одного: Саше туда вход заказан. Настоятель ашрама уже не первый год отказывает ему в праве находиться там более нескольких часов, что еще

больше разжигает в Александре Великом желание остаться там и обучаться у Рахи Бабы (так зовут основателя монастыря). И тут взгляд возбужденного рассказчика падает на меня.

– А ты такая хорошая, светлая, с тобой меня точно пустят.

Я в голос рассмеялась от его откровенной наглости – ну и Санек!

– А что, я серьезно! – не унимался он.

Пришлось встать из-за стола и попрощаться.

И в эту секунду на плите у Аппи убежало молоко.

– Закипело! – воскликнул самоуверенный Саша, улыбаясь и глядя мне прямо в глаза.

И действительно – закипело.

Глава 7. День милости Шивы или Пушкар Баба

На следующий день, неспешно прогуливаясь по немногочисленным улочкам Ришикеша, мой взгляд упал на тележку, просевшую под тяжестью столь редких на севере Индии молодых кокосов, и очень захотелось ее немножечко разгрузить. Я полезла в сумку за кошельком, но денег не обнаружила. Порядком расстроившись, что оставила эти полезные бумажки дома, и поняв, что кокосов мне не видать, я побрела в Ашрам, и тут -меня одернул чей-то крик. Я подняла голову и увидела прямо перед собой того самоуверенного Сашу, выпорхнувшего из местного «салона красоты» с пеной на лице. Оказывается, помимо йоги, вкусной еды и Ганги, в Ришикеше можно еще и отлично провести время у цирюльника! Веселый индус не только побреет, но и сделает массаж спины и шеи – и все это удовольствие обойдется при небольшом торге в каких-то 100 рупий. Саша как любитель красивой жизни и умеренных цен, давно знал об этом и частенько захаживал к одному и тому же знатоку своего дела. Попросив подождать 5 минут, он получил свое, быстро расплатился и выбежал на улицу со словами:

– Хочешь кокосов?

Я не поверила своим ушам! Откуда он мог знать, что боль-

ше всего на Свете сейчас я мечтала именно об освежающем соке этого дивного ореха?

– Хочу, кто же их не хочет! А ты, наверное, жаждешь меня ими угостить?

– Естественно! Какая ты догадливая. Пойдем на Гангу.

Такое предложение меня удивило. Неужели он собирался найти спелые кокосы на берегу? Но то, что увидела через минуту заставило улыбнуться: по реке плыли сотни белоснежных цветов, багровых яблок и – свежих кокосовых орехов!

– Это что за чудо! – воскликнула я, протирая глаза.

– Нормальная пуджа¹⁹, – сдержано ответил мой спутник, вылавливая из реки пунцовое яблоко.

– Но это же подношение реке! Как мы можем это брать?!

– Мы – это река! – многозначительно сказал Александр, вытирая от влаги огромное яблоко. – Ладно, пойдем пить чай.

Мне совершенно не хотелось идти в кафе, и настроение в целом было не очень: немного напрягало, что мы стащили прасад²⁰ из Ганги, однако, наша дорога вовсе и не походила на путь в чайную. Пройдя мимо заброшенного Ашрама Махариши, мы оказались в джунглях.

---

¹⁹ Пуджа – ритуал почитания богов в индуизме, встречающийся повсеместно в Индии.

²⁰ Прасад – пища, предложенная божеству во время пуджи.

– Куда ты меня завел? – не выдержала я.

– Еще не завел, но минут пять – и мы будем на месте.

Не волнуйся, тебе понравится! – как всегда самонадеянно заключил он.

И мне действительно понравилось!

Через несколько минут мы вновь приблизились к Ганге, и на небольшом холме показались несколько неподвижных фигур. Мы подошли ближе и старцы разом обернулись. В Ришикеше бродит много так называемых садху, претендующих на звание бабЫ или «святого человека». На самом деле, они в большинстве своем бродяги и попрошайки, пристально следящие за кошельками туристов. Но эти трое выглядели иначе. Они также были одеты лишь в набедренные повязки, но их глаза не желали ничего. Один из почтенных дедушек сразу принялся готовить чай на костре, а остальные выложили перед нами бананы и мандарины. Саша толкнул меня в бок со словами:

– Нельзя им отказывать!

Я с улыбкой приняла чашку и взяла небольшой мандарин и спелый банан. И что же – вкуснее чая я не пила нигде, а фрукты казались просто божественными!

– В чем секрет? Почему это так вкусно, Саша? – не унималась я.

– Просто это прасад, – улыбнулся он и вернул яблоко Ган-

ге.

Один Баба неподвижно любовался рекой. Упавшее в Гангу яблоко не поменяло выражения его глаз, как и наше появление рядом с ним. Не отрываясь от созерцания, он жестом пригласил нас подойти еще ближе, чтобы мы смогли увидеть Гангу «его глазами». Мы сели совсем рядом. Я молча восторгалась ее мощью. Мы не видели воду, отблески солнца и цветы после пуджи – то, что мы видели, – была сила, закованная в берега. Сила, способная наполнить каждого, готового к встрече с ней. Сила жизни и смерти. Эта река может напоить миллионы людей и растений, но именно она каждые несколько лет сметает с пьедестала могучую статую самого Шивы, принимая ее так же легко и весело, как яблоки и косы.

Баба улыбнулся, видимо, уловив наше восхищение, и попросил лист бумаги. Слава Богу, у меня как всегда был при себе листочек с расписанием Ашрама и пара ручек. Сейчас этот листок почти потерял свою форму, но не содержание – я все еще храню его, как что-то очень важное. Первое, что написал Баба было слово «God²¹».

Мне это напомнило эпохальные строки Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога,

---

²¹ В переводе с английского – «Бог».

и слово было Бог».

Баба провел стрелку от каждой буквы этого слова и расшифровал: «God = Go On Duty, то есть служение Богу – это исполнение своих обязанностей. Очень важно найти свое место, дело и выполнять его добросовестно», пояснил божий человек.

Вот в такой простой форме этот неторопливый старец изложил Формулу Жизни: *просто делай свое дело, делай его безупречно и этого будет достаточно*. Так доходчиво, так честно и так хорошо. Ничего лишнего, никаких «если» и «что мне за это будет» – просто делай, просто будь – Господь будет с тобой.

Дальше он написал «No karma – no dharma». Без бескорыстного служения – нет пути.

Он нарисовал цветок и написал свое имя Pushkar baba.

«Pushkar – означает цветок», – с мягкой улыбкой пояснил старец.

«Бог – это природа», – продолжил записи садху, – «Природа, как огонь – чиста.

Но для слияния с природой и Богом, надо тоже быть чистым. Надо набраться храбрости и посмотреть внутрь себя. Индия учит этому».

Пушкарь Баба посмотрел на меня и попросил написать дату моего рождения. Затем Саша написал свою. Святой обвел наши даты и, скорее всего, увидев, что ничего дельного у нас не получится, не стал комментировать несостоявшийся союз, зато рассказал много интересного о каждом из нас по отдельности.

Он начал с Саши:

– Тебе нужно носить белый цвет и работать в медицине. Ты должен лечить. Ближайшие месяцы денег не будет, но в августе все будет хорошо.

Саша улыбнулся, но немного опечалился. У него как раз заканчивались деньги, и появление их в конце лета вовсе не входило в его невероятные планы, но так оно и вышло. А Баба действительно помог. Он указал в каком направлении двигаться. Сейчас Саша очень успешен в сфере здравоохранения.

Затем Баба принялся за меня. Он долго молчал, а потом сказал:

– Твой цвет желтый, солнечный. Ты должна заниматься только творчеством – рисовать картины, писать книги, но быть дома. Тебе очень важно быть дома.

– О, домохозяйка! – довольно заулыбался Санек, но уловив на себе строгий взгляд Бабы, осторожно добавил:

– Может, не «быть дома», а «работать в системе»?

– Нет, быть дома, – пояснил он.

– Хорошо, но если у меня нет дома? – улыбнулась теперь и я.

– Ты и есть дом. Там, где ты – дом! – твердо сказал Пушкар Баба.

И тут до меня дошло: быть дома – это быть в ладу с собой! Если не будет гармонии, и меня будет растаскивать на куски миллион желаний, идей и иллюзорных возможностей, не будет ни вдохновения, ни сил для творчества – вот о чем говорит этот мудрый садху.

Он продолжил:

– Твоя мантра – «Ом Намо Шивая»²². Произноси ее, когда будет необходимо. И помни, главное отношение: если ты – любовь, никто тебя не обидит. Если ты – Эго, твоя жизнь будет тьмой. Нет плохих и хороших, есть только люди с Эго и люди без него.

---

²² Ом Намо Шивая – особое написание одной из главных ведических мантр «Ом Намах Шивая» на пракрите – древнейшем, более естественном языке, «неочищенном» санскрите. Её буквальный перевод – «поклонение Благому (Шиве)». Однако более глубокий ее смысл заключается в том, что только в преклонении перед Богом, происходит естественное слияние души поющего мантру с Душой Мира. Мы признаем – все, что создано в этом мире (существа, явления, предметы), нам не принадлежит, а принадлежит Шиве или божественному началу, как бы говорим христианское: «Да будет воля ТВОЯ».

– Твой камень – желтый топаз, – продолжал он. – Сделай из него кольцо и носи его тут (он раскрыл ладонь и продемонстрировал указательный палец, сжатый простым медным перстнем с прозрачно-золотистым камнем). Но помни – камень должен касаться твоего тела иначе не будет толку!

Тут я заметила, что и на его руке само кольцо выполняет скорее функцию поддержки для камня, плотно прилегающего к изрезанной морщинками коже.

Затем Баба строго посмотрел на меня и добавил:

– Ни один магический камень не поможет тебе, если ты не начнешь день с мантры «Аум» – без нее нет связи с Богом. Без молитвы и пуджи – не будет силы для действия.

Я посмотрела на шкурки от бананов и дольки мандаринов, которыми нас угощали и поняла, что это как раз и была пуджа, которую служили для нас – просто прохожих.

Все тело окатило благодарностью, и захотелось обнять этого худенького старца, который просто делал свое дело и видел Бога в каждом живом существе и неживом предмете. Я очень пожалела, что именно сегодня не взяла с собой денег.

Саша положил 100 рупий. Это было много для его худого кошелька, возможно, даже все, что у него сейчас с собой было. Он как будто прочитал мои мысли, или же его также

переполняло желание поделиться с Бабой хоть чем-то значимым, помимо понимающего взгляда.

Баба поблагодарил нас, отдав все свои фрукты, с лицом, не принимающим отказов, и принялся рисовать что-то пеплом. К нам подошел один из аскетов и вновь пригласил присоединиться к чаепитию. Оставив Бабу наедине со своим медитативным занятием, мы тихонько встали и, сложив руки в намасте, перешли к костру.

На огне закипал второй чайник с масалой. Пламя было ровным, а мысли ясными: я буду заниматься творчеством, я напишу книгу, и я *уже дома*.

Глава 8. Второе октября

Проснувшись, как обычно, в пять под пение индийских монахов, я, по обыкновению, направилась в душ, по пути поблагодарив Меган за чай, и на этом все обычное в тот день закончилось. И вовсе не потому, что 28 лет назад именно в этот день я родилась на свет (об этом незначительном факте в то темное и весьма прохладное октябрьское утро я напроць забыла) – на то была намного более весомая причина. Размером с Индию. А если уж быть до конца объективной – с весь Земной шар! Однако открылась она мне совсем не сразу. А пока, я одевалась, держала во рту кунжутное масло (аюрведический способ вытягивания токсинов через секрецию слюнных желез) и никак не могла понять, куда же запропастилась моя книжечка с мантрами?

Меган, заметив мою растерянность, уверила, что поделится своей, но вместо знакомой красно-белой брошюры достала из недр рюкзака совершенно новую, со сладким ароматом типографии, толстенную книгу, с вселяющим тихую йогическую радость названием: «Asana Pranayama Mudra Bandha».

– «Happy birthday!» – торжественно объявила Меган, протягивая мне бесценную книгу.

Так я вспомнила, какой день собираюсь встретить с заспаным лицом и нечищеными зубами!

Завершив утренний туалет, мы поспешили на занятие,

но было очевидно, что первым минутам пранаямы суждено пройти без нас. Почти бегом проскочив мимо обезьян, мы отчаянно приближались к корпусу для занятий, когда за нашими спинами раздался веселый голос Дженни:

– Ага! Опаздываете!

Мы мигом обернулись и увидели именно ее с огромным пакетом, доверху набитым чем-то неопределенным.

– Дженни, тебе помочь? – сразу вызвалась Меган.

– О, спасибо – это все почти невесомое! – улыбнулась она.

– Так что же это за невидимка такой невесомый? Дженни, сознайся, ты поймала в ночи приведение и несешь его нам показать? – поинтересовалась я не без иронии.

– Действительно, что там у тебя такое большое? – поддержала меня Меган.

– Сейчас увидите! – озорно подмигнула Дженни, подходя к нашей группе, которая, вопреки обыкновению, собралась не в зале, а на зеленой лужайке.

Пожелав всем доброго утра, Дженни запустила руку в пакет и, наконец, извлекла оттуда крошечную белую леечку!

«Итак, мы снова в детском саду!», пронеслось, судя по лицам, не только у меня в голове.

Какие же мы темные, поняла я всего минуту спустя, когда, налив в сосуд теплой слегка соленой воды, Дженни показала, как легко и эффективно можно очистить нос при помощи этой белой малютки по имени «нети-пот». Процедура под названием «Джала Нети» («джала» – вода, «нЕти» –

нос) предельно проста: наклоняете голову на бок, вливаете воду, к примеру, в левую ноздрю – и она самопроизвольно выливается через правую. Так вы проводите минуту – две в медитации под звуки струящегося из носа водопада, лейка постепенно пустеет, и пополнив ее свежей дозой раствора, меняете ноздрю, вновь вставляете леечку и медленно наклоняете голову в другую сторону.

Дженни раздала нети-поты и мы, неуклюже хихикая, принялись за нехитрое занятие. С непривычки, вода заливалась за шиворот, мы обливали свои белоснежные алладины²³ – пытались помочь друг другу, вконец намочив одежду – так что скорее это походило на конкурс «мокрая майка» нежели на промывание пазух носа... Но так весело мне не было, пожалуй, с самого глубокого детства! Юля каталась по траве, не в силах сдержать приступы хохота, и я очень скоро к ней присоединилась – ведь это мои кривые руки щедро поливали ей колени. Дженни явно не ожидала такого бардака от группы взрослых йогоинов, но и ей непросто было сохранять серьезность. Однако Матаджи уже давненько ждала нас наверху, и балаган надо было прекращать.

Но удивительно было не то, что великовозрастные студенты катались по полянке, умирая со смеху, а то, как мастерски Дженни нас всех утихомирила, ведь через каких-то пять минут мы тихонько сидели перед уважаемой Матаджи и ощу-

---

²³ Алладины – широкие, невероятно удобные штаны для занятий йогой и просто комфорта передвижения.

щали благотворный эффект Джала Неги, самозабвенно предаваясь Нади Шоданам – самой спокойной из пранаям.

Последовавшее за пранаямами занятие по йоге также прошло на удивление спокойно, да и завтрак мы постарались провести в тишине, и в совершенном расположении духа. Я уже было думала улучшить пятнадцать минут для пробежки в интернет-кафе – поблагодарить родителей за возможность физического воплощения, да и сообщить, заодно, что их дочь по-прежнему жива, но Юля перехватила меня у самых ворот с красивым развернутым поздравлением. И вскоре мы оказываемся в йога-холле, в столовой, и снова в классе... День получился интересным, насыщенным и приятным, но весь пролетел в стенах Ашрама.

И если бы не вечерняя Аарати, я наверняка осталась бы в стороне от самого главного сюрприза, уготованного Создателем, но пуджа – дело святое!

В 17.30, наконец, покидая ворота монастыря, я уже представляла умиротворяющий, как и весь сегодняшний день, берег Ганги, как чуть не угодила под колесницу! Вся улица была до отказа заполнена людьми: дети, взрослые, старики, мужчины и женщины, здоровые и калеки – все вышли на улицы в этот день! Пройти к реке не было и крошечной вероятности, и факт случайной встречи со Славой, скорее напоминал шутку. Но не эта спонтанная встреча удивила меня в тот вечер больше всего, а то, что он мне поведал. По-

сле моего троекратного оклика, друг, наконец, обернулся, и на его лице, как и за минуту до этого у меня, появилось нечто среднее между радостью и удивлением – с явным перекосом в удивление. Мы обнялись и направились на прогулку, если, конечно, ее можно было так назвать. Протискиваясь между тонкими, толстыми, благоухающими сандалом и мускусом, и отчаянно потными телами людей, я не смогла не задать другу логичный вопрос:

– Слав, а что делают здесь все эти люди?

– Отмечают твой День Рождения! – как обычно сострил он.

– Да ладно тебе! – протянула я, прекрасно зная его натуру.

– О, и не только здесь, – в его глазах сверкнули озорные искры, – но и по всей Индии, и уж поверь мне – ни один день не отмечается так, как этот. И если быть откровенным, совсем недавно ко всем этим восторженным миллионам приккнул и весь мир!

– Ну это ты загнул! Хватит издеваться над моим невежеством, хотя бы в День Рождения! – взмолилась я.

– Хорошо, поведаю тебе эту тайну, тем более все, кроме тебя, на Земле уже давно в курсе. Ровно... 143 года назад (если не обсчитался) в уважаемой индийской семье появился мальчик. Мать – глубоко верующая вегетарианка, отец – диван (только не подумай, что я говорю о мебели). Диван в Индии – почетный титул, что-то типа министра. Короче, прекрасная семья! Мама в сыне души не чает, папа возла-

гает на него большие надежды, ведь это старший из детей, да и самый способный. Парня женят на хорошенькой девушке, отправляют учиться юриспруденции в самую Англию. Казалось бы, живи и радуйся! А теперь представь, Оля, этому счастливчику, баловню судьбы взбрело в голову оказывать сопротивление!

– Ну, нормальное дело, поспорился парень с родителями...

– Ох, если бы! Но нет. Конечно, женили его рановато, да и факультет он подумывал выбрать не юридический, а медицинский. Но в этом смысле все устаканилось. С женой он в итоге прожил всю жизнь душа в душу, да и Университет успешно закончил. Дело было в другом. Оказавшись в Англии, мальчик узнал, что мир не так уж прост, и в яблоке земного шара давно завелся большой и жирный червяк!

– О Боже, Слава, что еще за червяк такой?!

– О, очень страшный, Оленька, очень страшный... Но и ты с ним знакома – все его знают.

Мое лицо застыло в вопросе.

Слава посмотрел мне в глаза, а затем медленно и без тени его всесильной улыбки произнес длинное, некрасивое слово:

– Дискриминация.

– Дискриминация? – эхом отозвалась я.

– Да, дискриминация: расовая, национальная, половая, религиозная – вот то, что будило чувства в юном адвокате. На каком краю света он бы ни был – в Англии, в Индии или

Южной Африке – везде вставал на защиту угнетаемых.

– Да, таких людей в мире немного... – заметила я с тяжелым вздохом, вспоминая первого президента Гавайев, ученого, революционера и нашего со Славой соотечественника, Николая Судзиловского (Nicholas Russel), который, где бы ни находился – в России, Англии, Румынии, Болгарии, США, Японии или на Филиппинах – везде заступался за честных и, естественно, не нужных властям свободомыслящих, и по какой-то неведомой причине, не вошедший ни в один учебник истории. Видимо, сочли слишком опасным для «инкубатора» послушных граждан.

– Да, таких людей в мире немного, – задумчиво повторил он, – а еще меньше тех, кто противостоит всей этой несправедливости лишь с одним чистым сердцем, никаких там тебе ружей, бомб и пулеметов. Именно поэтому День его рождения весь мир отмечает как День ненасилия.

– О, кажется, я догадалась, в честь кого все эти люди осыпают улицы лепестками роз!

– Ну наконец-то! Итак это...? – и Слава пальцами изобразил барабанную дробь.

– Махатма Ганди!

– Бинго! Выходит, ты все-таки ходила в школу? – губ друга коснулась улыбка.

– Естественно! Но это не в школе я узнала про сатьяграху – «упорство в истине»...

– Как? Ты что, хочешь сказать, что окончила и институт?

– Бинго! – парировала я, и рассказала, как почти десять лет назад под старинными сводами факультета социологии СПбГУ, мы, вчерашние школьники, с жаром обсуждали революции: французскую, октябрьскую и даже сексуальную, но ни одна из них не вызвала столько понимания и притяжения, как протест Махатмы Ганди! Ответить злу ненасилием – это качественно иная революция. Хиппи шестидесятых также были миролюбивыми пацифистами, но метод Ганди был очевидно глубже: основание прочнее. У хиппи – наркотики и свободная любовь, а Махатма стоял на твердой платформе вселенского закона непричинения зла всему живому – Ахимсы. И это именно закон, как и все законы природы, который нельзя отменить или игнорировать. Суть его предельно проста и уловима: мир – единый живой организм, все «клетки» которого очень тесно взаимосвязаны, поэтому насильственное воздействие на одну часть негативно сказывается на всем мире и прежде всего на том, кто стал источником насилия. Вот так, вооружившись одним здравым смыслом, путем голодовок и призывов к бойкоту английских товаров, Ганди освобождал Индию. Мы, совсем юные социологи, не хотели лезть в политику и вникать во все тонкости отношений между Англией и ее колониями. Возможно, смена власти в Великобритании стала причиной ухода англичан, а может, просто пришло время, но не родись Моханда-са Ганди (имя данное ему отцом и матерью), с его неутолимой жадой справедливости, ни у «детей цветов», ни у все-

мирно известного баптиста Кинга, ни у миллионов простых людей, чье сердце не велит убивать, не было бы такого мощного вдохновения! Сам факт его жизни показал, что может сделать один человек, который следует своему предназначению. И не случайно, что Индия получила независимость всего за пять месяцев до его трагического ухода. Он выполнил свою дхарму.

А еще я уверена, что Ганди с одинаковым жаром отстаивал права индийца, русского, японца или англичанина, если с ними вели себя несправедливо. Поистине, «Великая душа», как сказал Тагор²⁴.

– Да ты больше меня про Ганди знаешь! – засмеялся, наконец, Слава. – А я тут распинаюсь...

– Неправда! Я не знала ничего о его детстве, и уж точно не имела никакого понятия о дате его рождения. Спасибо!

– Да хватит тебе! Пошли лучше ужинать, только перестань уже налегать на рис и чапати!

– Так! Это же ущемление моих гастрономических прав!

– Это наивная попытка помочь уменьшению твоего бесконечного желудка, – шутливо и очень справедливо заметил друг.

---

²⁴ Тагор Рабиндранат – индийский писатель, поэт и общественный деятель. Один из мудрейших людей Индии. Относился с большим уважением к Махатме Ганди, хотя и не разделял всех его взглядов. Именно Тагор впервые назвал Ганди «Махатма» или «Великая душа».

– Хорошо! Сегодня только овощи! Говорят, Ганди был аскетом... кажется, с таким приятелем, как ты, и я скоро пополню их ряды... – вздохнула я, поднимаясь на второй этаж кафе «Тип Топ», безнадежно утонувшего в аромате имбиря, тмина, перцев и свежих пшеничных... чапати.

Глава 9. Ни за что не улыбайся!

Никогда я не была так блаженно-расслаблена как в тот теплый октябрьский вечер. Мы с Юлей из Тель-Авива утонули в подушках на террасе «Офиса», вдохновенно напевая «Sayana mantrah», ведущую к сладкому безмятежному сну, и не менее сладко и безмятежно улыбались:

*Karacaranajam-vaak-kaayajam karmajam vaa
shravanna-nayana-jam vaa maanasam va-aparaadham
vihitamavhitama-va sarvametat-kshamasva
jaya jaya karunnaabdhe shrüi-mahaadeva-shambho
shrüi-mahaadeva-shambho*

Это мантра-колыбельная и исповедь одновременно, в которой мы просим великодушного Бога Шиву (одно из Его имен – «Shambho» или «великодушный», «приносящий счастье») о прощении за все наши прегрешения: вольные (продиктованные обязанностями, традициями) и невольные (нечаянные, оживленные игрой страстей или вовсе неосознанные), которые мы успели совершить в течении дня. Дословный ее перевод²⁵ чист и поэтичен, а мелодия, которой

---

²⁵ Из сборника мантр Пармат Никетана: «I pray and ask for your forgiveness, O Mahadeva Shiva, for all my omissions and commissions born of my eyes, ears, mind and organ of speech; or done by my hands and feet the omissions and commissions in performance of my duties either enjoined or forbidden. Victory to you, O Lord

украшают мантру в нашем Ашраме, такая светлая и добрая, что невозможно не расплыться в улыбке, напевая ее. Такое ощущение, что смысл вообще порхает на уровне этой мелодии, и смысл ее таков: «Мы друг друга простили заранее». Возникнет вопрос: кто такие «мы»? А в ответ прозвучит: Бог и человек. Бог прощает все наши прегрешения, если *мы* способны простить себя – только и всего. Но это не говорит, о том, что можно украсть сегодня утром или в обед, попросив прощения вечером, а о том, чтобы простить настолько, чтобы не появилось желание отбирать.

Так мы лежали, смотрели на распахнутые глаза-звезды и улыбку-месяц самого неба, самого Бога... как вдруг на соседнюю подушку приземлилась холщовая сумка. Это был Саша или вернее – Александр Великий.

– Чего это вы так мило улыбаетесь? Щеки не устанут? – начал он как всегда бесцеремонно.

Без малейшего желания отрываться от созерцания красот позднего вечера, мы продолжили пение, но естественно, как мне, так и Юле было уже совершенно ясно: очень скоро и нам придется опуститься на Землю подобно нашей соседке – видавшей виды Сашиной сумке. Однако тогда я и не подозревала, какие невероятные виды откроет и мне Александр в тот особенный вечер...

Я закрыла глаза, чтобы «смягчить падение», и через пару

секунд позволила себе начать разговор.

– Привет, – только и смогла выдохнуть я, оставив без ответа колкости по поводу щек – уж очень сильная была мантра. Не хотелось ни злиться, ни тем более ехидничать.

– Ну наконец, вернулась! А я уже думал, так и просижу тут рядом с улыбочивым истуканом...

Великий явно пытался вывести меня из себя и ему это, признаюсь, начало удаваться.

– Слушай, Саша, а что такого страшного в том, что нам хорошо, и откуда у тебя эта зависть улыбки? – не удержалась я. – Чем она тебе мешает?

– Мне – ничем! – отрезал приятель (или скорее – неприятель). – Но не забывай – ты на севере Индии, и улыбка здесь может... хотя, что это я! Поехали, покажу тебе одно место – там тебе на захочется напрягать скулы.

– Очень заманчивое предложение! Ты в рекламе, случаем, не работал? – парировала я.

– Не работал, – отсек он. – Такие места не рекламировать, а знать надо! Как можно побывать в Индии, не повидав ее изнутри?

«И все же работал», пронеслось у меня в голове: красиво поет! Знает, как разбудить интерес даже в моем утомленном практиками теле, еще недавно готовом ко сну. Теперь я выпрямилась на подушке, глотнув из чашки остывшей масалы, но все еще была уверена, что через пару минут закончу эту ненужную перепалку и, взяв под руку укутанную в уютный

тибетский плед Юлю, отправлюсь в Ашрам.

Но не тут-то было! Саша уже закидывал на плечо мою сумку, а заодно и толстовку со словами:

– Это всего 20 минут, которые значительно облегчат тебе жизнь! Какая разница, провалишься ты это время здесь, распевая мантры, или приедешь с новыми знаниями.

У меня просто не было слов, на что Саша убедительно заключил:

– И не волнуйся, Золушка, успеешь ты к закрытию ворот Ашрама. Заснешь как надо в своей постели!

Не знаю почему, но я поверила этому хаму.

И вот мы катимся на мопеде по пустынным улочкам нашей почти что ночной йогической деревни, пересекаем мост Рам Джула, проезжаем еще пару-тройку километров, минуем городскую часть Ришикеша – тихую, чумазую и совсем не туристическую – и оказываемся на его окраине. Тут не встретишь ни одного студента, путешественника или даже садху, и лишь редкие тлеющие костры напоминают о присутствии в этих местах человека. Воют собаки и жуют газеты коровы, но луна все также улыбается, словно вопреки всей этой грустной предельно неуютной обстановке.

Что ж, улыбнулась и я.

Мы проходим кучи с мусором – вернее, мусор разбросанный ветром как попало, в творческом беспорядке, переступаем через какие-то пакеты, поломанные чайники, использованные пластиковые тарелки, и оказываемся рядом с ним...

Я чуть не обняла Александра от внезапно нахлынувшей радости! Перед нами вырос могучий баньян, с миллионами длинных повисших в воздухе корней, немногим из которых когда-то все же повезло дотянуться до земли. В Индии баньян называют деревом вечной жизни, почитая как символ бессмертия и бесконечности, ведь его многочисленные корни, берут начало из ветвей, а ветви в свою очередь вырастают из укоренившихся воздушных отростков. Бесконечное торжество жизни: рождения и снова рождения! Наверное, именно поэтому индийские женщины частенько подходят к баньяну с молитвой о появлении на свет здорового потомства. В самой середине ствола, в естественном углублении оказалась прекрасная статуэтка Шивы – с трезубцем и едва тлеющей палочкой с тонким туманно-мускусным ароматом сандала.

Неужели этот заносчивый рыжеволосый парень по имени Александр Великий привез меня сюда в этот час совершить молитву? Мне все еще не верилось, что я стою не посреди расслабленного «Офиса», а здесь, среди корней этого гигантского дерева, и напротив меня восседает на бронзовой шкуре сам Шива. Но я не ошибалась. Саша подошел к баньяну, опустился на колени, закрыл глаза и очень тихо, почти что бесшумно, начал читать мантры. Это продолжалось пару минут. Затем он уступил место мне. Я повторила ритуал, спела несколько любимых мантр на санскрите, подытожив той самой, подаренной Пушкар Бабой, осмысленной «Ом Намо

Шивая».

Открыла глаза и заметила Сашу. Он улыббался.

– Ну вот, наконец, и ты расслабился, – подметила я с наивным облегчением, а затем обернулась к Шиве, любуясь красотой изгибов космически мощного дерева, ставшего для Бога приютом. И почему-то уставилась на ворох газет у его подножия.

– Ну что, поехали? – неестественно тихо спросил Александр.

– Подожди, Саша, тут так хорошо, спокойно. Давай посидим еще немного! – взмолилась я.

– Как знаешь, я только постою в сторонке, ладошки?

И он – в самом буквальном смысле живо отскочил в сторону!

«Пожалуй, я никогда не привыкну к его чудачествам», только и пронеслось в голове.

Не теряя гармонии, я опустила плечи, выровняла дыхание и всецело отдалась медитации. Нырять в бездну неизвестности, я почти потеряла связь с этим миром, но настойчивый шорох все же заставил вернуться в вечернюю Индию, к большому баньяну, к Шиве, к газетам. Кстати, шелестели именно они. Медленно приоткрыв правый глаз, я чуть не подпрыгнула на месте: газеты зашевелились! Я начала уговаривать себя: все в порядке, это ветер... И тут из-под ближайшей из них высунулась темная костлявая рука, местами покрытая надежно прилипшими мухами, и принялась активно ошупы-

вать землю в моем направлении... Иссушенная конечность почти коснулась худыми узловатыми пальцами моих затекших коленей, когда невероятным усилием мне все же удалось заставить себя отскочить примерно на метр. Ноги кололо от долгого сидения, а из-под газет продолжали вылезать все новые и новые руки...

Все виденные мною ночные кошмары мигом конвертировались в веселые истории по сравнению с этой суровой картиной из жизни. Под газетами оказалась целая группа тощих бродяг, покрытых язвами и насекомыми. Теперь-то мне стало ясно, кому принадлежала вся та «домашняя утварь» (дырявые чайники и тарелки), которые я сначала принимала за мусор...

Должно быть, Саша торжествовал: **улыбаться, действительно, не хотелось!**

Однако нет. То, что он для меня подготовил, еще ждало впереди!

– Пойдем, они голодные, – только и сказал Алекс, увидев мой бессловесный ужас на, без сомнения, бледном лице.

– Теперь ты в нужном состоянии и не будешь без нужды улыбаться, – довольно подметил он очевидное.

– Это уж точно... – с трудом выдавила я, но все же добавила, – ты знал об этом... под газетами?

– Заметил, – коротко ответил Саша, оставляя загадкой, когда же он это заметил, пару минут назад или – пару лет,

когда оказался в этих местах впервые.

– Сейчас мы пойдем поздороваться с настоящими индийскими мужиками, – продолжил он, – не учителями йоги и не веселыми торговцами алладинами, так что держи себя в руках...

– Ты что, не видишь – я давно не улыбаюсь! – не выдержала я. – И давай уже заканчивать эту печальную экскурсию...

– Тсс! – оборвал меня он.

В пяти метрах от нас показались две коренастые фигуры. Мужчины курили биди, смакуя индийский молочный чай (не масалу), о чем я узнала отпив самый крохотный в жизни глоток из предложенной ими чашки. Саше также протянули чай и руку для приветствия.

– Namaste, – на удивление негромко поздоровался с мужчинами Алекс.

Потом звучали слова на скудном английском вперемежку со скупым хинди, которые не содержали, простите за каламбур, ничего содержательного (по крайней мере для меня), чего нельзя было сказать о многозначительных взглядах. Эти угрюмые усатые мужики попеременно сканировали меня тяжелыми взорами, под которыми я каким-то непередаваемым образом чувствовала себя и вещь, и пустым местом одновременно. Скажу честно, второе, мне нравилось больше, однако, в сознании этих двоих в конечном итоге, по всей видимости, высветилось определение – «вещь». Они решительно повернулись ко мне, – и тут на помощь пришел-таки Саша.

Он медленно затянулся самокруткой из листьев, выпустил красивое пышное облако белого дыма, наполнив улицу ароматом костра, после чего предельно небрежно кинул:

– Она со мной.

Мужчины мигом отключили навязчивый интерес, как будто кто-то невидимый зажал на спасительные десять секунд нужную кнопку на системном блоке, принудительно остановив работу безнадежно зависшего компьютера, и, как ни в чем не бывало, продолжили свою закодированную беседу. Саша договорился о каких-то билетах, и мы, наконец-то, покинули пасмурных собеседников, оседлав его старенький резвый байк.

Ехали молча.

– Саша, что это было? – вкрадчиво спросила я, соскальзывая с заднего сидения мопеда у самых ворот Патмат Никетана. – Почему эти люди так странно оглядывали меня с ног до головы, словно корову на заклятие?

– Я всегда знал – ты неглупая девочка... – начал Александр.

– Вот именно – девочка! И видимо девочка в Индии – это просто напросто вещь... – блеснула жестокая догадка, которой я не смогла не поделиться с Сашей.

– Совершенно верно! А вещь обязательно должна кому-то принадлежать. Ты заметила, как изменилось их поведение, после того, как я обозначил границы?

– Да уж, спасибо... удружил, – ответила я со вздохом,

должна заметить, намного более тяжелым, чем тот, с которым произнесла роковое «привет» в самом начале нашего сумасшедшего вечера.

– Да, тебе есть за что меня благодарить, – серьезно продолжил «спаситель». – А теперь вообрази, чем бы закончилась эта встреча, скажи я, что ты не со мной? И вдобавок стоишь там такая, в розовой кофточке, и блаженно улыбаешься... Это простые суровые парни с севера, у них тут проблемы с невестами, особенно такими... позитивными, – ухмыльнулся Санек. – Понимаешь о чем я? «Красивые вещи» воруют ни то, что из соседних деревень, но и из соседних штатов. Так что оставь свои широкие улыбки для друзей из Ашрама. Окажешься в этих местах одна – ни за что не улыбайся! Они уважают силу.

***

Кажется странным, но позже, я оценила этот совет, как и тот, что дорогой транспорт в Индии обходится, порой, намного дешевле. По крайней мере, за него не надо платить жизнью.

Глава 10. Странная встреча со странниками

Занятия в Ашраме приносили много радости, но порой казались чересчур интенсивными. Накопившийся за месяц недосып и прохладные вечера явно давили на иммунитет, который потихоньку начинал бить тревогу в виде большого горла. Осознав, что имбирный чай меня уже не берет, при первой удобной возможности, я побежала в ближайшую лавку за чудом аюрведы, состоящим более, чем из 40 полезных растений – чиванпрашем. За неприглядным черным цветом скрывался удивительный сладковато-пряный вкус и консистенция мармелада. Знакомый торговец без лишних слов быстро подобрал мне лучший товар и любезно согласился отложить на час последнюю банку: уж очень не хотелось таскаться с ней в обеденный перерыв по Ришикешу. Я забежала в «Офис», поздоровалась с его добрым хозяином, выпила тульси-чай для поддержания организма и хорошего настроения, быстро опустошила миску фруктового салата, так как рис и дал казались уже очень тяжелой едой, и помчалась на вечернее занятие по йоге. Я вбежала в ворота Ашрама и уже почти забыла про банку с чиванпрашем, но это «почти» заставило меня вернуться в лавку. И именно этой случайности я стала обязана необычной встречей.

Меня сразу удивил огромный черный Harley-Davidson, припаркованный прямо перед входом в магазин аюрведы.

Я невозмутимо впрорхнула в лавку и увидела их – двухметровых, лысых, в черной коже с ног до головы. Вообще, сразу оговорюсь, днем в Ришикеше даже во второй половине октября жарко и в платье, но из уважения к святым местам все женщины, ходят в легких шароварах и длинных юбках, прикрывая плечи шальями. И лишь по вечерам особо изнеженные персоны вроде меня, выходили на улицу в толстовках и пледах... Но как эти двое выживали в толстенных кожаных куртках сейчас, в три часа дня – это была непостижимая тайна. Ребята были славянской внешности, и мне сразу захотелось завести разговор, однако, русскую речь они не поддержали. Я машинально перешла на английский, и тут открылось – они из Монтенегро. Честно говоря, я никогда не была в Черногории, но судя по всему с Трансильванией они близкие соседи – уж очень походили гости магазина на лучших приятелей Дракулы. Их звали Ян и Дэмиан. Ян улыбался мило, Дэмиан – хитро. Тем не менее, последний без труда угадал мой знак зодиака, сообщив при этом, что всерьез занимается астрологией. Он быстро понял, что я, в свою очередь, всерьез увлекаюсь йогой, и уверенно сказал:

– Сядь сюда!

Дэмиан пододвинул стул. Я медленно села. Затем в мгновение ока, он успешно вправил мне несколько шейных позвонков со словами:

– Есть кое-что, что йога не может для тебя сделать.

Я почувствовала небывалую легкость – шея и плечи просто пели от радости!

– Мы живем на Гоа. Я напишу тебе имейл, ты ведь скоро там будешь, – прозвучало скорее как утверждение, а не вопрос.

– Да... – я удивленно посмотрела на мужчин (мне действительно необходимо было оказаться на Гоа до 16 января).

– Я знаю, – нетерпеливо отсек Дэмиан. Напиши мне или позвони, когда окажешься там, вот номер.

Он вложил листок бумаги с аккуратным почерком мне в руку и крепко сжал ее на мгновение.

Затем черногорцы живо вскочили на мотоцикл, и сквозь неповторимый харлеевский рев мотора Дэмиан прокричал:

– Посмотри на знак!

Байк сорвался с места, но я успела разглядеть большой черно-белый «Инь-Ян» на бензобаке.

Под впечатлением я вошла в класс, и Олег сразу обеспокоено спросил, все ли в порядке?

Когда я рассказала, что пять минут назад незнакомец вправлял мне шейные позвонки, друг схватился за голову со словами:

– Ну ты даешь! Я бы так не решился...

– Дуура... – осознанно протянула я.

Как же я умудрилась доверить свою жизнь какому-то страннику, притом очень странному. Одно неверное движе-

ние – и он свернул бы мне шею! Но при этом, я четко понимала, что не рисковала тогда. Настоящий риск начался на Гоа, но об этом позже. А пока, я лишь пыталась разгадать значение появления в моей жизни лысого байкера, Инь-Ян, чуда астрологии и пользы чиванпраша.

Глава 11. Не только девушки любят бриллианты

Так уж получилось, что с самого первого дня в столице йогов в друзьях у меня оказывались в основном мальчишки, причем – чего уж там – тридцати, а-то и сорокалетние такие мальчуганы. Сначала Слава с Владом, потом Олег, Аппи, Саша и еще один Саша – короче, та еще санньясинка... Поэтому, когда в одну из коротких утренних прогулок к широкому кругу приятелей примкнул симпатичный индеец Санни – это показалось мне абсолютно в порядке вещей. Делийские события были уже далеко позади. За последние недели в монастыре я совершенно расслабилась, вновь поверила в простые детские отношения по типу «мир-дружба-жвачка» и с улыбкой ответила на рукопожатие нового знакомого.

Санни работал в салоне сотовой связи.

Я прожила в Ришикеше месяц, но так и не обзавелась номером мобильного телефона. Кстати говоря, ничего криминального я в этом не находила: без него тут годами живут искатели со всего света, не говоря уже о бродячих садху, и ведь как-то справляются! По мне, так это просто чудесно – жить на другом «подключении», не к мобильному, но Слава вовсе не разделял моих восторгов. Как-то раз, прождав на мосту битый час, при встрече он просто взял меня под руку и повел

в салон связи.

Санни со знанием дела «передел» мой практически девственный телефон, и в считанные минуты, я стала доступной по мобильному ликовавшему Славе. Но если бы только ему...

В один из вечеров понедельника, который у нас, вопреки сложившимся стереотипам, был выходным, раздался звонок. Уверенная в том, что звонит Славик – ибо он был единственным человеком, знавшим мой номер – я схватила трубку. Надеясь услышать предложение пойти в кафе (уж очень хотелось кушать), я игриво ответила «у аппарата», но вместо привычного «ну, приветик», услышала английскую речь:

– Hello!

Я молчу.

– Are you hear me?

Жду пояснений.

– This is Sunny.

– Какой ещё Санни?! – не выдержала голодная я.

– You bought the SIM card two days ago... – робко начал объяснять голос в трубке, и тут все стало ясно: тот самый проворный продавец! Не удержался – сохранил номер.

Я уже была готова с ним распрощаться, как по второй линии раздался еще один звонок:

– Слушай, Оль, у нас тут сегодня Свамиджи в ударе: решил провести занятие по йоге...

На этот раз звонил Слава. Он извиняющимся тоном сооб-

шил, что припозднится с ужином, но друга можно было понять: его гуру не так часто давал уроки. Я же, сообразив, что полтора часа для меня слишком много, перенесла встречу на завтра.

– Ладненько, не обижаешься? – оптимистично подытожил он.

Слава знал, что обижаться я не умею.

– Ты же знаешь, все в порядке! – все же ответила я и попрощалась.

Тем временем, продавец все еще «висел» на параллельной линии, о чем я без труда догадалась по сопению в трубке.

Наконец я решила продолжить разговор, который, вопреки ожиданиям, закончился... приглашением на ужин.

– Как же этот нерешительный парень смог уговорить тебя отправиться с ним в ресторан? – удивлялась моя американская соседка два часа спустя.

Действительно, как намерение поскорей повесить трубку переросло в, пусть даже не романтический, но ужин?

Да очень просто!

Санни пригласила я.

На этом месте рассказа Меган еще выше приподняла бровь и переспросила:

– Ты сама его позвала?

– Да, – ответила я пораженной подруге, отлично знавшей, что это практически невозможно. Однако нет ничего невозможного!

На самом деле, причин тому было сразу несколько. У нашего курса был выходной, и все мои знакомые разошлись «по делам». Конечно, милая Юля и добрая Меган по очереди звали меня погулять, но я твердо решила не обижать Славу, который, казалось, уже свыкся с моими неявками и опозданиями. Более того, именно в это день мы надумали сходить на разведку в так полюбившееся многим ришикешцам кафе Moon Dance, и я даже поскромничала за обедом, предвкушая достойный ужин. Но, увы, по иронии судьбы, именно в этот вечер нам суждено было поменяться со Славой местами. И – спасибо новой симкарте – мне не пришлось ждать его на мосту, что уже радовало! И тут мне в голову закралась авантюрная мысль: а не пригласить ли в Moon Dance этого парня с солнечным именем и очень печальными, как припомню, глазами? Похоже, живет он в Ришикеше и наверняка в курсе местонахождения того ресторанчика. Естественно, так оно и оказалось. Конечно, в первые пару минут, он не понял, что происходит и не шучу ли я? Но я не шутила. Поужинать было надо. Пока я буду искать подруг по всему Ришикешу, все заведения закроются. Ашрамную трапезу я благополучно давно пропустила, а засыпать под трели голодного живота совсем не хотелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.